

Невеста Всадника без головы

Автор:

[Наталия Миронина](#)

Невеста Всадника без головы

Наталия Миронина

Олег Сомов... Ради него Аня бросила жениха. Ради него свела к минимуму общение с матерью, которой Олег категорически не понравился. И в день их свадьбы он не явился в ЗАГС... Потерявшая голову от любви к нему Аня выпала из реальности. Гордость не позволила ей искать Олега, стучаться в его дверь, добиваться ответа. А зря... Брошенный жених вернулся, взял ее замуж, построил дом, завел троих детей. О том, что все это – часть плана по изъятию у нее отцовского наследства, Аня узнала, оказавшись запертой на чердаке и объявленной сумасшедшей...

Наталия Миронина

Невеста Всадника без головы

© Миронина Н., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

«Здравствуй, здравствуй, я вернулся!

Я к разлуке прикоснулся...».

Ю. Визбор

«Никогда не покупай рыжей лошади, продай вороную, заботься о белой, а сам ездй на гнедой».

Арабская пословица

Глава первая

...Высокая трава стелилась под ветром и в темноте ночи казалась беспокойной водной гладью. Неясный силуэт, сливающийся с тенями, обманчиво громоздкий, надвигался пугающе стремительно. И вот уже не видно неба, края поля, а только устрашающая тень, которая вырастает на глазах, заслоняя все вокруг. От неизбежности встречи становится не по себе, но любопытство, замешанное на ужасе, удерживает от бегства. Что это может быть такое, завораживающее и ужасающее?! И вот, когда кажется, что ни отступить, ни спрятаться, ни убежать уже невозможно, становится ясно, что это конь – гнедой, поджарый, с длинной, заплетенной в косички гривой. Лунный свет лишь на мгновение посеребрил фигуру грациозного животного, осветил запрокинутую назад красивую голову, выхватил темные глаза и оскал странной, скорее человеческой, улыбки. Но это было лишь мгновение, за которым опять наступил безмолвный мрак...

Аня открыла глаза. Не было ни высокой травы, ни ночи, ни странного коня с почти человеческой улыбкой. Аня находилась в своей любимой комнате, ее окружали знакомые с детства предметы – большой письменный стол с резными дверцами, выстроенные до самого потолка полки, заставленные книгами, безделушками и фотографиями, две яркие картины, подаренные когда-то родителями. Из окна лился яркий утренний свет, а с Патриарших прудов доносился деловитый гомон большого города. Было светлое утро, и остаток тревожного сна, который девушка видела перед пробуждением, казался теперь кусочком какого-то дурного кино. «Это же надо, лошади ведь такие красивые животные, а в этом сне был просто монстр какой-то! Интересно, что это значит? Вообще к чему снятся лошади?» – подумала Аня, сладко потянувшись. Вставать она не спешила. Ей предстоял непростой, полный забот и хлопот день, и потому счастье безмятежного утра хотелось продлить как можно дольше.

Аня Спиридонова сегодня выходила замуж. День свадьбы они с Олегом выбрали единодушно – первое воскресенье июня, когда друзья еще не разъехались в отпуск, когда лето не превратило город в раскаленную печку, когда нет пыли, а зелень свежая.

Мать Ани, Варвара Сергеевна, была недовольна ее выбором. Жених оказался совсем не похожим на тех молодых людей, которые всегда окружали Спиридонову Анну. Не было в нем того достоинства, блеска и лоска, которые должны были бы, по мнению Варвары Сергеевны, соответствовать столь выдающейся невесте. Однако Аня, девушка с характером, предпочитала не обсуждать кандидатуру своего жениха и вообще при любом удобном случае уходила от разговоров о предстоящем событии. Мать, семейный дипломат со стажем, просто выбивалась из сил – всяческие аргументы, доводы и предлоги отменить свадьбу сыпались как из рога изобилия, но все было впустую. Если и можно было что-то изменить в этом случае, так только одно – дату, на которую будет назначено торжество.

За эту дату, как за спасательный круг, и схватилась Варвара Сергеевна.

– Нет, ну я просто не понимаю, зачем такая спешка, куда такая гонка?! – не раз и не два заводила она подобный разговор. – Что вам дался этот июнь? Аня, ты вообще в курсе, что свадьбы всегда играют по осени? Ну, в крайнем случае в августе. Ты только представь – нет жары, бархатный сезон, благородная прохлада, покой, умиротворение... А до августа можно просто пожить за городом. Всем вместе. Притереться, так сказать... Нет, я решительно тебя не понимаю! – выражала она недоумение по поводу настойчивости дочери.

– Мама, ты действительно не понимаешь, – неизменно отвечала дочь, улыбаясь. Она давно раскусила все уловки матери, расчет у которой был простой: откладывать, насколько получится, заключение брака. Откладывать, переносить, а там, глядишь, что-нибудь случится, и свадьба совсем отменится. Ну не любила Варвара Сергеевна жениха, не любила.

– Мама, – в который раз объясняла Аня, не желая ссориться, – июнь – мой самый любимый месяц. Понимаешь, для меня июнь – это начало начал. Начало настоящего лета, тепла. Июнь – это когда все еще впереди, а июль – это уже усталость от жары или раздражение от беспрестанных дождей, это – пустой город, это – уехавшие друзья.

– Я хотела, чтобы мы с тобой к тете Тамаре съездили. – Варвара Сергеевна упорно не сдавалась и выдвигала на поле битвы за семейное счастье новые боевые единицы своей армии аргументов. – Проведали бы ее, сама знаешь, она живет совсем одна. Тамара будет очень рада тебя видеть...

И этот ход Аня разгадала. Сестра матери Тамара души не чаяла в племяннице и имела на нее огромное влияние. Желание Варвары Сергеевны провести сестру имело под собой всю ту же цель – удвоив боевые силы, отговорить дочь от замужества. Варвара Сергеевна не знала, что Аня уже написала тетке обстоятельное письмо и получила от той лаконичный и весьма легкомысленный ответ: «Выходи, а там – посмотришь!» Аня не стала показывать это письмо маме, чтобы не возродить чувство ревности, которое между сестрами было сильно по молодости.

– Мам, мы съездим еще с тобой и к тете Тамаре, и поживем у нее, – покладисто соглашалась Аня. – Когда-нибудь – обязательно.

– Не забывай, она живет одна, – пыталась давить на жалость Варвара Сергеевна. – Мы давно у нее не были. Во-первых, кое-что ей надо привезти...

– Мам, ты каждый год ей отправляешь тонны варенья, которое она терпеть не может. Она его вообще не ест. Ты же знаешь это отлично. Конечно, тетя Тамара будет рада, если мы приедем, но не забывай – у нее насыщенная общественная жизнь, она там не скучает, – напоминала Аня лукаво. – Председатель городского общества театральных деятелей – это тебе не в жэке сидеть!

– Я не понимаю, что она там делает и зачем ей это надо?! В ее возрасте... – Чтобы не развивать дальше эту тему, Варвара Сергеевна безнадежно махала рукой.

Активно общаться с сестрой Варвара Сергеевна начала сравнительно недавно, после смерти мужа. До этого, в предперестроечные годы, столкнувшись с непредвиденными трудностями в виде несовместимости политических взглядов, Варвара Сергеевна остороженько, почти незаметно для домашних, установила в общении с сестрой изрядную дистанцию и старательно ее выдерживала. Если муж Алексей Владимирович за всеми своими делами этого не заметил, то Тамару Сергеевну обмануть было сложно. Курс на дистанцию,

который взяла осторожная жена номенклатурного работника, она почувствовала сразу.

- Ты не переживай - я к вам пока ездить не буду, - успокоила Тамара сестру по телефону. - Твой Алексей - человек умный и сам все понимает, но чин и регалии ему не велят со мной согласиться. Зла и неприятностей ему не желаю, а потому в гости не ждите. И запомни - я не обижаюсь.

Варвара Сергеевна помнила, как ей было неловко это слышать. Ее тонкие, прямо-таки «китайские» церемонии были с легкостью разгаданы, да к тому же сестра оказалась великодушна. «Господи, как нехорошо, но что я могу поделать, если она не знает «брода»! А у Алексея сейчас так беспокойно на работе», - думала Варвара Сергеевна и паковала для отправки сестре очередную посылку с дефицитными в восьмидесятые годы продуктами. Сестра звонила, благодарила и требовала прекратить «социалистическое подаяние».

- Варя, перестань присылать мне колбасу! Ты имей в виду, я это одна не ем. Я подкармливаю все наше общество...

«Имея в виду» данный факт, Варвара Сергеевна вздыхала и добавляла к посылке лишнюю пачку «Юбилейного» печенья. Сердиться на сестру она не могла, поскольку искренне Тамару жалела: та была одинока - замуж не вышла, хотя и имела всегда достаточно поклонников. Правда, был один момент, когда все уже вздохнули с облегчением, - Тамаре сделали предложение руки и сердца, но та, подумав ровно сутки, отказала.

- Ты что наделала?! - ругала ее Варвара Сергеевна. - Наконец-то заживешь нормальной семейной жизнью, а не будешь проводить дни и ночи на репетициях этого своего варьете!

- Мюзик-холла! Теперь наш театр так называется. Это во-первых, - гордо отвечала Тамара. - А во-вторых, этот мужчина мне не нравится!

- Чем? Что тебе в нем не нравится?! - удивлению и возмущению Варвары не было предела. - Главный врач городской поликлиники...

- Для такого жениха я слишком здорова, - с присущим ей цинизмом объяснила Тамара. - И потом, мы никогда с ним не договоримся...

– Понятно... – Варвара Сергеевна не стала дальше слушать. Ее сестра, сторонница «шведского» социализма, поклонников выбирала по принципу единства политических взглядов. Таких оказывалось немного. Много было обычных мужиков, которые не могли оторвать взгляда от высокой стройной фигуры с весьма внушительной для танцовщицы грудью. Уйдя из театра музыкальной комедии, на сцене которого протанцевала много лет, Тамара окунулась в общественно-театральную жизнь. Поклонники потихоньку пережились, состарились, превратились в скучных ворчунов. И на них Тамара смотрела свысока. Такая компания ей не нравилась, записываться в подружки таких грибов она не собиралась. Одиночество вполне устраивало Тамару Сергеевну. Даже Аня как-то призналась, что не представляет тетку замужней.

– Так что, мама, я тебе обещаю, что мы с тобой после свадьбы обязательно вдвоем съездим к тете Томе, – уверяла Аня маму во время спасающих от свадьбы разговоров. – И без варенья. Мы ей лучше коньяк купим. Самый хороший!

– Да, этому она обрадуется! – фыркала Варвара Сергеевна, женщина, знающая во всем меру. – Но, боюсь, выйдешь замуж и будет тебе уже не до теток...

– Может быть, но это только сначала.

– А ты откуда знаешь? – Ответ дочери неожиданно удивил.

– По подругам своим вижу.

– Да, они у тебя ранние все... И даже детьми успели обзавестись.

– Мам, и я успею. Мне двадцать семь лет – вся жизнь впереди.

– Ты могла выйти замуж и в восемнадцать, и в двадцать, и в двадцать пять. Сама же не хотела. Вот Максим, он так за тобой ухаживал... – Здесь неизменно следовал тяжкий ностальгический вздох. – А еще был прекрасный молодой человек, у которого отец такой крепкий хозяйственник... Помнишь? Такая выгодная партия... Но тебе, конечно, понадобилось искать приключений на свою голову!

– Мам, почему ты считаешь, что поиск собственного пути, – для пущей убедительности с пафосом говорила Аня, – это «приключение на свою голову»?

– Я так не сказала, – отрицательно качала головой Варвара Сергеевна, – я просто всегда удивляюсь тому, как дети наступают на грабли, разбросанные их родителями. Я тоже в свое время...

– Мама, ты опять мне сейчас расскажешь о том, как тебе отказали от дома родители папы.

– Да, я эту историю могу повторить, чтобы ты поняла, как тяжело исправлять собственные ошибки.

– Я все давно поняла...

– Тогда ответь, почему ты отказала...

– Мама! – Когда разговор закручивался в подобный штопор, Ане ничего не оставалось, кроме как заткнуть уши. – Пожалуйста, перестань. Тогда я замуж не хотела. А теперь хочу.

Примерно такие разговоры Аня с матерью вела последние полгода – ровно с того момента, как Олег Сомов сделал ей предложение. Точно такой же разговор случился и сегодня. И присутствовал при нем брат Ани Юрий.

– Анька, ты все-таки странная у нас, – подал он ехидную реплику. – Когда тебе делали предложение приличные состоятельные люди, ты нос воротила. А как только на горизонте появился мальчик-сирота, так ты очертя голову рванула под венец. Мама, как же это так получилось, что ты воспитала столь непрактичную дочь?

– Юра, прекрати, при чем тут сирота? И Олег вовсе не мальчик! – увидев яростные глаза дочери, Варвара Сергеевна одернула любимого сына.

– Да ладно, мама, ты сама так думаешь, – усмехнулся тот.

– Даже если и думаю, то не озвучиваю это.

– Вы хоть бы меня постеснялись. – Аня серьезно посмотрела на брата: – Маму я еще понимаю, она за меня волнуется, хочет выгодную партию мне обеспечить, но тебе-то какая разница?! Я же не вмешивалась в твои дела, когда ты... Когда ты у Вадима, собственного брата, уводил.

– Это совсем другое дело, – раздраженно поморщился Юра.

– Это – то же самое, – с нажимом заявила Аня. – Это личное дело каждого, в которое посторонние – а в такой ситуации все посторонние, даже самые родные, – нос совать не должны.

– Смотри, я тебя только предупредить хотел...

– Спасибо, братец, за предупреждение...

Варвара Сергеевна торопливо пригласила детей к столу – разговоры о свадьбе с Олегом Сомовым почти всегда заканчивались ссорой. Да-а, совсем не такого мужа Варвара Сергеевна желала дочери. Но Аню невозможно было ни переубедить, ни переспорить. И потом – младшей доченьке уже двадцать семь лет... Варваре Сергеевне очень хотелось внуков, а трое ее детей с этим явно не спешили.

Вадим, Юра и Аня давно уже жили самостоятельно. А тогда, после смерти их отца, Алексея Владимировича, Варвара Сергеевна стала главой семьи, в которой все дети находились между собой в сложных отношениях. На ее плечах осталось обширное хозяйство в виде большой квартиры, дачи, участка земли и нескольких машин. Денег на жизнь ей хватало – муж, человек с положением, своевременно позаботился и о ней, и о детях. Но управлять всем этим добром, чтобы оно приносило хоть какую-то пользу, Варвара Сергеевна научилась не сразу. Впрочем, самым тяжелым было стать третейским судьей в семейных спорах, то есть выполнять то, что с большой мудростью делал покойный муж. На плечи Варвары Сергеевны лег тяжелый груз – из всех троих, пожалуй, только Аня способна была на скорое великодушное прощение. Вадим, добрый, но замкнутый и неуступчивый, находился в состоянии глухой вражды с Юрием, красивым, амбициозным и весьма эгоистичным человеком. Кроме того, из всех троих Аня же, как оказалось, способна на быстрый и открытый диалог. Характер у девушки был сильный, но в душе ее жила трогательная жажда справедливости. Но не той, которой добиваются с кулаками и руганью, а той,

которой достигают прощением.

Вот и сейчас Аня посмотрела на Юру, с укором заметив:

– Я всегда удивляюсь – ты с готовностью обижаешь других, а когда тебе дают отпор – дуешься, словно маленький мальчик. Но ведь в том, что ты этот отпор получил, сам же ты и виноват.

– Я не дуюсь, – попытался оправдаться Юрий. – Я о тебе беспокоюсь.

– А ты не беспокойся. – Аня улыбнулась – долго сердиться на брата она действительно не могла. Но и со своих позиций сходить не собиралась. – Ты лучше постарайся завтра не опоздать – в загс я поеду отсюда, вместе с мамой. И вы с Вадимом должны за нами заехать.

– Заедем. Куда ж мы денемся! – Юра тоже дуться на сестру не мог. Она была младшая, и Юрий хорошо помнил то детское доверие, с которым маленькая Анютка относилась к нему. – Только я не понимаю, почему ты решила ехать отсюда, а не из своей квартиры?

– Ты забыл, что жених забирает невесту из родительского дома.

– Не забыл, не забыл! – замахал руками Юрий. – Просто удивился, почему ты вдруг перед самой свадьбой переехала сюда.

Аня и сама не могла ответить на этот вопрос. Но всем она объясняла, что накануне свадьбы ей очень хотелось побыть с матерью, которая остро переживала все, что происходило с Аней последние несколько лет.

А произошло немало. И самым проблемным событием Варваре Сергеевне казалось то, что ее дочь рассталась с молодым человеком по имени Максим. Это было странно, это было неожиданно. И это было совершенно не нужно.

С точки зрения умной серьезной женщины.

...Находясь в отношениях с Максимом – отношениях, доставлявших ей больше тоски, чем радости, Аня вдруг влюбилась – сильно, ярко, горячо. А спустя почти

неделю после того дня, когда возлюбленный попросил Аню стать его женой, у матери и дочери Спиридоновых произошел серьезнейший разговор.

Они долго просидели на кухне, обсуждая скоропалительное, как казалось Варваре Сергеевне, решение Ани. Уже тогда аргументы и увещевания на Аню не подействовали. Никакие.

– Мне жаль Максима, – завершая ни к чему хорошему не приведший разговор, сказала тогда мать. – Он – неплохой человек. Любит тебя. Заботится о тебе. И это любовь сильная, преодолевающая ревность. Кто еще мог так поступить, как он?

Аня поняла, что мать намекает на удивительное для безумно влюбленного человека великодушие, которое проявил Максим. После того как Аня призналась ему, что любит другого и в скором времени планируется свадьба, Максим затаился на три дня, а на четвертый позвонил с неожиданным вопросом:

– Ты уже платье свадебное заказала?

– А что? – насторожилась Аня. Она ожидала вопроса вроде: «Так ты мне все это время изменяла?!»

Но Максим ее удивил:

– Я хотел дать тебе телефон отличного мастера. У него шьют знаменитости. Круг этих людей, как ты понимаешь, узок, но я договорился.

– Зачем ты это делаешь?

– Ты заслуживаешь самого красивого платья. Так пусть оно у тебя и будет.

Аня на секунду замерла – до того жалко ей стало Максима. «Ведь это я от него ушла. И я выхожу замуж, а он остается один. И он не злится, не мстит, он добр», – думала Аня и никак не могла подобрать нужные слова для отказа. Обижать Максима не хотелось, но и принять это предложение не представлялось возможным.

– Спасибо тебе, – она постаралась говорить как можно мягче и ласковее, – но дело в том, что платье уже есть. То есть оно еще не куплено, но отложено. Вот как раз сегодня я должна его забрать. Конечно, если бы я знала раньше... Одним словом, огромное тебе спасибо, но подвести людей я не могу.

– Понятно, – вполне покладисто ответил Максим. – Жаль. Ты же понимаешь, я от души тебе это предложил. Вернуть тебя не могу, но хоть бы ты позволила мне сделать для тебя что-нибудь...

Аня не позволила.

– Нет, мам, – она отогнала от себя сомнения, – он не так прост. Ему хочется загнать меня в угол и сделать виноватой.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь. Максим поступает мудро – он хочет сохранить с тобой отношения любой ценой. И путь это будет не любовь, а дружба, основанная на хорошем знании друг друга и общей памяти. Поверь, это много.

Мудрая практичность Варвары Сергеевны оказалась сейчас бесполезна – дочь была безумно влюблена в этого «внезапного» Олега.

«До Максима ему далеко. На том успех написан большими буквами. А отец в гробу бы перевернулся, если бы узнал, что дочь выходит замуж за плиточника!» Даже в собственных мыслях Варвара Сергеевна лукавила и опускала то обстоятельство, что этот «плиточник» имеет неплохое высшее образование, достаточно долго проработал в приличном месте, был воспитан и очень неплохо зарабатывал. «Да, но вот родственники...» – продолжала сетовать про себя Варвара Сергеевна и опять начинала вздыхать.

Потому что разговор с будущим зятем не шел у нее из головы, лишал покоя и привычной для нее уверенности.

А случился этот разговор во время одного из семейных обедов, на которые Варвара Сергеевна старалась собрать всех детей.

– Вадим, – звонила она в ту страну, где на гастролях со своим или своей протееже был ее старшенький, Вадим, – ты когда будешь в Москве? Собираю всех на пельмени.

– Юрочка, что там у Али с концертами? Вы сможете быть в выходные у меня? Может, вырветесь?

Дети, жены, ближайшие родственники – все собирались в гостиной Варвары Сергеевны, где неизменно под портретом Алексея Владимировича появлялся большой букет цветов, где была постелена парадная скатерть и выставлен тот самый сервиз, которым пользовались во времена, когда дети были маленькими.

– Сейчас появилось очень много красивой посуды, но мне дороже всего этот сервиз – старый, ленинградский. Отцу его преподнесли на день рождения... – скромно потупившись и многозначительно вздыхая, каждый раз сообщала Варвара Сергеевна.

В дни, когда проводились подобные обеды, забывались все семейные распри, все обиды – дети Варвары Сергеевны были уже взрослые и отлично понимали, что эти обеды – не что иное, как недолгий возврат в счастливое прошлое.

...В этот раз предобеденное настроение Варвары Сергеевны было немного подпорчено. Она с уже вполне сложившимся неудовольствием и укоренившейся неприязнью ждала нового гостя, жениха дочери.

– Мама, но, согласись, странно было бы его не пригласить?! – пытался подсластить мамочке пилюлю Юра. – Он без пяти минут член семьи!

– Да, конечно, – соглашалась та, но раздражение ее не утихало. – Хотя, стал бы мужем, тогда – милости просим. А нам столько всего надо обсудить в узком семейном кругу. И все проблемы, которые мы хотели бы обсудить, касаются исключительно родственников. Ис-кдю-чи-тель-но!

– Мам, значит, мы на этот раз оставим за бортом семейные проблемы и будем разговаривать о погоде, – спокойно, но твердо заявил Вадим.

И Варвара Сергеевна его послушалась.

Все те, кого стопроцентно Варвара Сергеевна считала родственниками, уже собрались в квартире и ожидали начала обеда. Варвара Сергеевна поглядывала на братьев: то, как Юра женился на Але, поставив в затруднительное положение влюбленного в нее Вадима, бывшего тогда Алиным импресарио, она забыть не могла и опасалась внезапных стычек[1 - Прочитать об этом можно в романе Н. Мирониной «Отказать Пигмалиону». издательство «Эксмо», Москва, 2014 год.]. Но братья заключили мир и сейчас спокойно вели нейтральный разговор о сложностях трансконтинентальных перелетов. Холеная красавица Аля, оперная дива с мировым именем, устав от концерта и последовавшего сразу за ним перелета из Лондона, сразу заняла кресло в углу и молчала, лишь изредка подавая добродушные и очень уместные реплики. Только от Гали, жены Вадима, исходила колючая враждебность. Чувствовалось, что она находится в глухой обороне. Варвара Сергеевна не очень любила эту невестку, да к тому же в Але Галина видела вечную соперницу. «Хорошо, хоть Але хватает мудрости в подобной ситуации оставаться в тени. Другая бы обязательно нашла повод потешить свое женское самолюбие, вызвав вспышку ревности», – думала Варвара Сергеевна. Поведение Али вызывало ее уважение – потому что лишь благодаря Алиной стойкости, здравомыслию и порядочности братья сохранили отношения. Да, иногда проскакивало что-то, что могло превратиться в конфликт, но Аля это моментально чувствовала и вмешивалась так умело, что гасила ссору на корню. «Молодчина. Что они с Юрой до сих пор не развелись – целиком Алечкина заслуга. Надо это честно признать. Она держит его в узде. И при этом, умница, подчеркнута уважительна с Вадимом. Да, конечно, именно он сделал все для ее успеха, Алечка – звезда мирового уровня, могла бы нос задирать. А она не задирает...» – думала Варвара Сергеевна, наблюдая за своим ближайшим кругом родственников, который с минуты на минуту должен расширяться.

Аня и Олег приехали позже всех. Это был расчет – Ане хотелось, чтобы все успели обсудить не только последние семейные новости, но и перемыть кости ее жениху. «Пусть выпустят пар!» – думала она и неспешно покупала конфеты к столу. Олег спокойно ждал ее. По его совершенно невозмутимому лицу нельзя было понять, что он думает по поводу предстоящего семейного собрания. «Выдержка, однако», – с уважением отметила Аня. Сама она все-таки испытывала противное волнение.

– Ты там на всякие колкости особо внимания не обращай. Братцы любят поязвить, а мама так волнуется из-за свадебных торжеств, что сама не своя, – обняв жениха на выходе из супермаркета, горячо прошептала Аня.

– Я не буду обращать внимания, главное, ты не волнуйся, – поцеловав ее, попросил Олег.

И Ане стало очень спокойно – от нескольких, самых простых, но очень точных и вовремя сказанных слов Олега. Жизнь вставала на свои места.

...Тем временем Варвара Сергеевна ставила на стол огромную супницу с щавелевым супом. Следом за Варварой Сергеевной шли Аля и Галя – они несли маленькие плоские тарелки с мелко порезанной зеленью и яйцами, хлеб в изящной плетеной корзиночке и соусник с холодной сметаной.

– Вот, прошу всех садиться, к сожалению, Ани все еще нет. Но мы их ждать не будем, – с нажимом заявила Варвара Сергеевна. Что-то, а нагнетать нервозность, равно как и создавать уютнейшую атмосферу домашнего единения, она умела виртуозно. В зависимости от ситуации (как она ее видела).

– Их – это кого? – Юра, мамочкин любимец, попытался подыграть ей.

– Их – это наших будущих молодоженов, – вместо матери пояснил Вадим.

– Да? – похлопал глазами Юра. – И все-таки Анютка выбрала не самый правильный момент для того, чтобы представить жениха. Наши семейные обеды – это святое, это...

– Вот-вот, – вдохновленная поддержкой любимца, подхватила Варвара Сергеевна.

Но Вадим снова вмешался:

– Аня сделала все правильно. Как еще лучше сделать шаг в семью, как не на трапезе в узком кругу.

– Могла бы ничего об обеде не говорить, – хмыкнул Юра. – А вот как расписались бы, тогда уже...

Жена Аля выразительно посмотрела на него, и Варвара Сергеевна поспешила переменить тему:

– Так, все, не будем углубляться, – быстро и деловито-дружелюбно заговорила она. – Алечка, расскажи, как твои концерты? Наверное, ажиотаж, аншлаги? – так Варвара Сергеевна решила задобрить невестку, польстить ей, отвлечь от недовольства мужем.

– Да, залы полные, – просто ответила Аля, словно речь шла о чем-то несущественном.

– Какая ты молодец... – начала было Варвара Сергеевна, но осеклась. Ведь и в эту тему нельзя вдаваться слишком глубоко! Отношения братьев только-только стали восстанавливаться (Аля и Юра женаты не так давно), и потому уделять излишнее внимание Але, предмету раздора, было по меньшей мере опрометчиво. «Господи, что за наказание? Что ни скажи, всюду впросак попадешь!» – огорчилась про себя Варвара Сергеевна и перевела разговор на жареного гуся – ее излюбленное праздничное блюдо.

– Ну, а теперь прошу отведать гуся – я приготовила его по совершенно новому рецепту! Надо признаться, что и сам гусь был очень, просто очень хороший...

Но Варвара Сергеевна не успела начать расхваливать торговца птицей, который специально для нее отыскал абсолютно экологически чистую и крупную тушку, как раздался долгожданный звонок в дверь.

Вадим тут же вскочил из-за стола, но Варвара Сергеевна одернула его. Явно волнуясь, она поднялась, на ходу преувеличенно бодро воскликнув:

– Я сама открою!

Через мгновение из прихожей раздался ее радушный голос:

– Ну, наконец-то, Анечка! Олег! А то мы уже к моему прекрасному гусю перешли. Быстрее за стол садитесь!

В гостиную Варвара Сергеевна вошла с огромным букетом.

– Какие цветы! – восхищенно воскликнула Аля.

– Неужели тебя можно удивить букетом?! – это произнесла Галя, и в ее голосе слышался сарказм.

– Да, можно, конечно, – ответила Аля, искренне улыбаясь. – Я не перестаю удивляться сочетанию несочетаемого. Иногда бывают совершенно необычные композиции. Вот как эта.

Аля встала со своего места и сняла с полки большую вазу:

– Я сейчас... Воды для этих чудесных цветов налью.

Вернулась она не одна. Смеясь и что-то возбужденно обсуждая, вместе с ней в гостиную вошли Аня и Олег.

– Вот, – Аля приняла из рук Варвары Сергеевны букет, поставила его в воду и обратилась к Ане и Олегу: – Где же вы такое сокровище купили?

– На Цветном, – охотно сообщил Олег, – там есть один небольшой киоск. Я там часто цветы покупаю.

– Да? Столько радостных поводов у вас в жизни было? – Юра дружелюбно смотрел на Олега, но в самой фразе безошибочно угадывались издевка, ирония и намек на некие тонкие обстоятельства.

– Да, в моей жизни было много людей, которые заслуживали того, чтобы им дарить цветы, – ответил Олег спокойно и очень достойно.

– Надеюсь, и впредь так будет, – кивнул Юра, придав лицу непроницаемое выражение.

Олег оглядел присутствующих и представился:

– Меня зовут Олег. Я – жених Ани. Думаю, вы это уже знаете, но официальное представление не помешает.

Дамы назвали свои имена, мужчины пожали ему руку.

– Садись рядом, – Аня потянула Олега за рукав, – я просто умираю от голода!

Все заметили, что она несколько смущена.

– Аня, поздравляю, – улыбнулась Аля. – Я знала о вашей будущей свадьбе, но, как правильно заметил Олег, официальное извещение придает новости особый статус.

Все заговорили враз, словно впервые об этом услышали.

– Так, давайте есть, все остынет, – застучала ложечкой по хрустальному графину Варвара Сергеевна, стараясь скорее переключить свой выводок с измучившей ее свадебной темы. – Аня, Олег, попробуйте моего гуся... Не стесняйтесь. А на кухне всех нас давно дожидается роскошный торт. Специально...

Однако мамочкин любимчик Юра первым не выдержал и поинтересовался у жениха и невесты:

– Вы уже решили, как, где и когда будет свадьба?

– Да, братец, – ответила за обоих Аня.

– Ну, и отлично, – за Юрия ответил Вадим, доброжелательно посмотрев на Олега. – Я рад, что у вас все получилось.

– А гостей много будет? – спросила Галина. – Вы уже список составили?

– Так, прикинули в общих чертах, – улыбнулась Аня. Она уже совсем успокоилась и с наслаждением грызла гусяное крыло.

– Олег, а с вашей стороны кто будет на свадьбе? – несколько чопорным голосом задала свой вопрос Варвара Сергеевна. – Я удовольствием познакомлюсь с вашими родителями.

– На свадьбе будут два моих друга с женами. Четыре человека.

– А... – От неожиданности Варвара Сергеевна подавилась маслиной. – А как же ваши родители? Родственники?

– Мама, тебе же Олег сказал, что будет всего четыре человека, – резко вмешалась Аня.

– Сказал, конечно, но все-таки... – Варвара Сергеевна не на шутку заволновалась.

– У меня нет родственников. Вообще. И родителей тоже нет. Я воспитывался в интернате. – Олег, улыбаясь, смотрел на будущую тещу, которая потеряла дар речи.

«Плиточник-сирота!» – пронеслось у нее в голове.

– Так получилось, – тем временем ровным голосом продолжал Олег. – Родители развелись еще до моего рождения. Когда я учился во втором классе, мама умерла. Отец умер позже, когда я уже был в пятом классе. Меня перевели в интернат. Но о том, когда именно умер отец, я узнал, уже будучи взрослым человеком. Попытался его найти – и вот, выяснил это прискорбное обстоятельство. Впрочем, отца я не помнил, только один раз видел его на фотографии.

– Что, у вас нет ни одного близкого человека? – в растерянности проговорила Варвара Сергеевна.

– Почему? – радостно улыбнулся Олег. – Есть. Аня.

Стараясь как можно скорее избавиться своего любимого от неприятных расспросов и рассказов о прошлом, Аня выскочила из-за стола. И вместе с Алей, которая, будучи очень тонкой и деликатной, бросилась ей на помощь, принялась собирать посуду.

– Давайте скорее пить чай. Я схожу за тортом. Аль, а ты поставь чашки! – чтобы хоть что-то говорить, заполняя ничего не значащим стрекотанием неприятную паузу, быстро заговорила Аня. – Олег, а ты покажи Юре видеокамеру.

Мы сегодня купили новую камеру, специально чтобы свадьбу снимать. А вот оператором я бы хотела попросить стать тебя, Юра! Да-да-да, ты же так хорошо

это умеешь! И любишь, я знаю. Фотографа мы уже наняли, а вот видео... Все эти халтурщики из Дворцов бракосочетания мне не внушают доверия...

– ...Ты что к человеку прицепилась?! Какая тебе разница, кто будет с его стороны салат оливье есть?! Нет, ты скажи мне, зачем ты сейчас его в дурацкое положение поставила? – оказавшись на кухне, тут же зашипела она на мать.

– Как же, Аня? – всплеснула руками Варвара Сергеевна. – А ты бы на моем месте как поступила?! Дочь выходит замуж, да так скоропалительно, за человека, о котором никто ничего не знает, да еще без отца-матери. А гены, а наследственность?! Ты что, предлагаешь мне вот так просто выдать тебя за неизвестно кого? Вот ты скажи честно: разве гены – это неважно? А?

– Важно, мама, важно, но...

– А раз важно, может, еще не поздно...

– Мама, и тем не менее, – упрямо склонив голову, проговорила Аня. – Свадьбу я отменять не буду. Тебе придется смириться с моим выбором.

«Ну до чего упрямая! Вся в отца! Как и старший, Вадим», – подумалось тогда Варваре Сергеевне. Упрямство и твердость в принятии решений были самыми выпуклыми чертами характера ее покойного мужа. После того как ушли гости, когда парадный сервиз был тщательно вымыт и спрятан в сервант, когда на столе на белой скатерти остались только кофейник и большая ваза с конфетами, Варвара Сергеевна присела в глубокое кресло и задумалась. В подобные дни это были ее любимые минуты – суэта закончилась, в доме уже наведен порядок, только-только уехали дети, и можно спокойно вспомнить прошедший обед, подумать, проанализировать увиденное и услышанное. Варвара Сергеевна могла долго сидеть, не включая света, в тишине, предаваясь воспоминаниям и размышляя о детях. Но сегодня она так и не дождалась этого благостного состояния. И дело было не в предсвадебных хлопотах, дело было именно в самом выборе дочери. Соблазн ультимативного требования отменить свадьбу стал особенно велик после сегодняшнего обеда. Олег Варваре Сергеевне ни на йоту сильнее нравиться не стал, а то обстоятельство, что у него не было никого из близких, почему-то Варвару Сергеевну особенно пугало. Но она понимала, что Аня, воспитанная, как и все ее дети, Алексеем

Владимировичем Спиридоновым в либеральном духе, не подчинится давлению. «Только отношения испорчу!» – подумала Варвара Сергеевна и вздохнула. Свадьба дочери надвигалась с какой-то пугающей неизбежностью.

И все-таки Аня неспроста приехала в дом родителей накануне свадьбы. Из ее детских воспоминаний – из тех самых, на которых потом, как на фундаменте, строится вся жизнь, выходило, что надежнее, прочнее и спокойнее места, чем отчий дом, на всей земле нет.

С самых ранних лет оба старших брата окружили ее, малышку, неустанной заботой и вниманием. Они, такие не похожие, пребывающие в вечном соперничестве, единодушны были в одном – в том, чтобы помогать Анютке, заботиться, оберегать, учить... Подрастая, Аня Спиридонова знала, что в этой жизни у нее три самых верных защитника – отец, Вадим, Юра. И один строгий судья – мать.

– Я тебя не понимаю! Почему ты ей все позволяешь и прощаешь? Ребенок требует строгости, – укоряла иногда Варвара Сергеевна мужа. Аня, до которой долетал возмущенный голос матери, улыбалась про себя – она знала, что ответит отец:

– Варя, она же девочка. Маленькая. Мне ее всегда очень жалко. Вот вырастет и посадит себе на шею мужа, будет варить борщи, жарить котлеты, шлепать детей. И забудет она, как это – быть озорной, веселой, беззаботной, как доставлять другим радость одним лишь своим присутствием и славным характером. Не трогай ее – вот увидишь, из Анютки правильный человек получится.

Мать вздыхала, качала головой, а Ане хотелось кинуться отцу на шею.

В их семье всегда было уютно и тепло. И дело тут крылось не только в чистоте, порядке и десятках мелочей, из которых складывается лицо дома. Дело было в большой семье. Аня поняла это очень быстро. «Я себе не представляю, как бы мы жили, если бы я была единственным ребенком», – подумала как-то она, наблюдая за ссорой братьев. Ссора протекала тихо – старший Вадим был немногословным и угрюмым, а Юра был уже слишком хорошо воспитанным. Криков, воплей или особо безобразных драк между ними не происходило.

Максимум, на что оба были способны, так это на тычок кулаком втихаря. Аня очень страдала от их вражды, поскольку безумно обоим любила и потому что в ее представлении дом – это место, где должен царить вечный мир. А потому она дожидалась, пока обиженные братья разбредутся по своим комнатам, и после этого начинала свою миротворческую миссию. Пока она была маленькой, мальчики на «посла мира» внимания обращали мало – Ане долго-предолго приходилось уговаривать их помириться. Но, став постарше, она без труда нашла подходы к каждому из них – и они начали охотно делиться с сестренкой своими обидами и проблемами. Тем более что сестру отличало совсем не девичье качество – она умела верно хранить чужую тайну.

– Ты должен сходить с Юрой на каток, – узнав о столкновениях Юры с мальчишками, говорила, например, Аня самому старшему брату, – он там боится мальчишек – они его задирают. А с тобой этого не будет. Он же должен знать, что у него есть старший сильный брат.

– Не хочу, – бубнил упрямый Вадим, предпочитавший посидеть с книгой.

– Ну, пожалуйста, – упрашивала его Аня и делала хитрый ход: – а я с вами пойду. При тебе меня обзывать уж точно не станут.

– А кто тебя обзывает?! – Вадим наконец «просыпался».

– Так, – небрежно махала ручкой Аня, – с Малой Никитской приходят некоторые...

Вадим вздыхал, одевался и вел брата и сестру на каток. Вечером они вваливались домой, все трое довольные проведенным днем. Аня ластилась к братьям, спешила на кухню помочь матери накрыть ужин и была счастлива от того, что и мир восстановлен, и на коньках удалось покататься, и всем своим недоброжелателям она утерла нос – присутствие грузного, сумрачного Вадима было явно сдерживающим фактором.

В седьмом классе Аня, во-первых, поняла, чем ее семья отличается от многих семей ее одноклассников, а во-вторых, поссорилась со своей закадычной подругой, которая презрительно обозвала школьную уборщицу «нищей полемойкой», и, в-третьих, подружилась с отцом. Собственно, первые два обстоятельства способствовали третьему.

– Пап, мы ведь богатые? – Аня посмотрела на отца, отдыхающего в своем любимом старом кресле.

– Это как посмотреть. – Алексей Владимирович слишком хорошо знал свою дочь, чтобы «купиться» на такую провокацию.

– Если посмотреть в наш гардероб и в наш холодильник, – пояснила Аня.

– Если посмотреть туда, хотя это и не самые важные места в доме, то мы живем значительно лучше многих, – кивнул Алексей Владимирович, настороженно ожидая продолжения разговора.

– Почему же такое неравенство? – искренне удивилась Аня.

– Неравенство будет всегда, – развел руками отец.

– К сожалению?

Тут отец еще внимательнее посмотрел на дочь:

– Я бы сказал, вопреки ожиданиям.

– Значит, я права. – Аня собралась было уже уйти в свою комнату, но Алексей Владимирович остановил ее:

– погоди. Почему ты об этом спросила?

– Потому что мне было жалко нашу уборщицу, которую Ленка обозвала нищей. – Аня рассказала историю, произошедшую в школе.

– Гони вон эту свою Ленку! – Алексей Владимирович теперь был полностью поглощен разговором с дочерью. – Да, к сожалению, люди всегда будут носить разную одежду и никогда не будут одинаково хорошо питаться. Но весь смысл в том, чтобы, во-первых, стараться это исправить, а во-вторых, никогда не упрекать друг друга в этой разнице.

– Ты хочешь сказать, что революцию не надо было совершать?

– Это взрослый вопрос, но я тебе на него отвечу, – пристально глядя в глаза дочери, произнес Алексей Владимирович. – Революции совершать вообще не надо, лучше постараться как-то договориться.

– Из истории выходит, что это почти невозможно.

– Да, в этом и заключено несовершенство мира...

Алексей Владимирович никогда раньше так с Аней не разговаривал. Интуитивно девочка почувствовала, что положение отца не позволяет ему так думать. И сам факт подобной откровенности Ане польстил. «Это останется между нами. Это наша с ним тема!» – думала она, гордая тем, что с сыновьями отец общался реже. Алексей Владимирович, прекрасно чувствующий «ветер перемен», аккуратно готовил дочь к тому, что школьная историческая наука скоро весьма переменится. «Это хорошо, что она рассуждает. Могла бы только о своих нарядах думать», – размышлял отец, с тревогой ощущая надвигающуюся грозу.

Гроза не заставила себя ждать и имела вид доктора из районной поликлиники. Аня знала, что отца уволили, знала, что он простудился в результате многочисленных хождений по продуваемым коридорам собеса. Врач, который никогда не видел своих «районных» пациентов, в первый же визит язвительно произнес:

– Ну, у нас диковинных препаратов нет, мы не спецуправление, мы – обычная поликлиника. – Тем самым он намекнул на то, что эпоха «партийного контингента» закончилась.

– А нам диковинные препараты не нужны. Нам нужны хорошие врачи-практики. Настоящие профессионалы. А такие только в районных поликлиниках и водятся, – польстила доктору Варвара Сергеевна.

Аня, обеспокоенная состоянием отца, проводила все время у его постели. Вот и сейчас она была тут, так что разговор с врачом, который нанес визит столь в прошлом высокопоставленному человеку, планировала прослушать.

Однако отец упорно гнал ее из спальни:

– Дочка, иди заниматься!

– Не хочу, я с тобой посижу, – упрямылась она и переводила разговор на домашнее хозяйство: – пап, ты когда будешь себя лучше чувствовать, посмотри, почему не работает вытяжка на кухне. Вадим с Юрой, если их попросить, только окончательно доломают.

Отец покорно кивал. Он отлично понимал, что никакой вытяжкой он заниматься уже не будет, но честно сказать это дочери духу у него не хватало. А, наверное, сделать это имело смысл. Обязательно – дать девочке понять, что жить ее отцу осталось совсем немного, и потому ему очень не хочется сейчас разговаривать о вытяжке, как не хочется причитать о близкой смерти и выслушивать лукавые уверения окружающих, что он обязательно поправится. Алексею Владимировичу имело смысл договориться с дочерью, что после его смерти она постарается все сделать так, как он ей советовал. Имело смысл разговаривать о ее планах – и близких, и далеких, о том, что она будет делать, когда он умрет, а ее боль утраты уже будет намного слабее. Нужно, просто необходимо было рассказать дочери что-то такое, что помогло бы сложить полную картину ее жизни после его ухода.

Но ни на один из таких разговоров Алексей Владимирович так и не решился...

Смерть отца и все события, что ей предшествовали, Аня постаралась задвинуть в дальний угол своей души. В тот трагический месяц произошло столько всего неожиданного и страшного, что справиться с этим не представлялось возможным. А еще у нее на руках была мама, которая до сердечной болезни тосковала по отцу.

... – Не возражаю. Давно пора. За меня не беспокойся. Я человек крепкий, выносливый. И очень стойкий. Мы – жизнеспособный род, – ответила Варвара Сергеевна, когда двадцатилетняя Аня объявила о том, что хочет жить отдельно.

– Мам, одно твое слово – и я останусь здесь! – с жаром воскликнула Аня.

– Не выдумывай. Переезжай. Какая у тебя будет жизнь рядом со мной. – мать была тверда, но все же не удержалась и добавила: – Со старухой.

– Ма-ам, – протянула Аня, – еще раз так скажешь, никуда не поеду.

– Ладно, ладно, – с улыбкой отмахнулась Варвара Сергеевна и поцеловала дочь. – Только приезжай ко мне почаще.

Поначалу Аня собиралась снимать жилье. Но мама категорически оказалась против. Возможность купить квартиру, продав свою часть наследства, доставшуюся от отца, который успел перед смертью разделить его между тремя детьми, Варвара Сергеевна даже рассматривать отказалась.

И... спустя менее чем полгода после этого разговора Аня переехала в собственную квартиру. Варвара Сергеевна, получив одобрение обоих старших детей, которых отец к их совершеннолетию успел наделить неплохой собственной жилплощадью, продала добротную номенклатурную дачу, еще в перестройку ставшую собственностью семьи. После смерти мужа Варвара Сергеевна перестала ездить туда – ведь именно на этой даче проводила она все лето с крошечными, с маленькими, а потом и со взрослыми детьми, туда неизменно возвращался с заседаний и пленумов ее любимый муж. На даче сохранились вещи, сделанные Алексеем Владимировичем, там жили соседи, которые стали почти родственниками, там была часть общего прошлого. Это все было так, но и Аня, и Юра, и Вадим понимали, что хороша ложка к обеду. Их мать только расстраивалась, когда оказывалась на даче. Руины прошлого устойчивого счастья не могли сделать ее счастливой (или хотя бы просто спокойной) сейчас. И они поступили очень мудро: сделали так, чтобы в продаже дачи, сборе документов, переговорах с риелторами, поиске квартиры мама принимала самое активное участие. Расчет оправдался полностью – приняв самое деятельное участие в устройстве практической жизни дочери, Варвара Сергеевна обрела новый смысл. Ее жертва, ее усилия – нужны!

* * *

Все помещение было занято людьми. Разбившись на пары, они делали вид, что забежали сюда случайно, как во время проливного дождя заскакивают в попавшийся по пути магазин. И эти пары старались, чтобы никто из присутствующих не обнаружил на их лицах признаки счастья. Все, как один,

имели вид небрежный, снисходительно-деловой. «Что же, можно попробовать, чем черт не шутит!» – казалось, всем своим видом говорили они.

– Желающих получить счастье по квитанции предостаточно. Как ты думаешь, получится договориться на начало июня? – спросила Аня.

– Думаю, да, – ровным голосом ответил Олег. Его лицо, немного смуглое, гладко выбритое, с высокими скулами и тяжелым подбородком, не имело никакого выражения. Именно – не имело, как не имеет человек копыт или кошка рыбьей чешуи. Лицо Олега было всегда спокойно-неподвижно, а глаза бесстрастны. Аня повернулась в его сторону и сделала вид, что пытается прочесть образцы казенных бланков за спиной Олега. На самом деле она внимательно смотрела на него самого. «Да, секс – это самая коварная ловушка, в которую может попасть человек!» – вспомнились ей услышанные когда-то слова. Несмотря на присутствующих, ей захотелось прижаться к Олегу.

Даже в самой большой и разномастной толпе Аня чувствовала себя «вишенкой на торте». От самой макушки коротко стриженной головы до пальцев узких ступней она являла собой идеальный образец красивой некрасивой женщины. По отдельности черты ее лица и части ее тела были далеки от совершенства, но в совокупности эта вся неправильность образовывала невероятную физическую гармонию. Высокая, очень худенькая жгучая брюнетка с белоснежной кожей и голубыми глазами, она сама к этому добавила вкус, стиль и умение себя вести. Не было человека, который не обратил бы на Аню внимания, а познакомившись с ней и ее женихом, не переставал удивляться странному мезальянсу – по мнению окружающих, Олег ни в коем случае не должен был стать мужем такой женщины. Как сказала про них одна из подруг Ани:

– Вы – как десерт с казеиновым клеем!

Аня старалась не принимать близко к сердцу подобные пересуды – она любила Олега. А еще больше она любила историю их любви. Сейчас, сидя в жестком кресле районного загса, она вдруг захотела еще раз вспомнить, что случилось с ней за последние два года. Ведь действительно сейчас, на первом рубеже перед столь значимым событием, как вступление в брак, был смысл оценить, взвесить то, что случилось с ними. Вздыхнув, Аня положила голову на плечо сидящего рядом Олега. И погрузилась в воспоминания.

...Ее уволили в пятницу, в четыре часа дня. Уволили тогда, когда большая часть работающих людей, предусмотрительно отложив самые неприятные дела на понедельник, закончила составлять список мероприятий на выходные и потихоньку начала созваниваться с родственниками, друзьями и любовниками. Именно в этот час, когда Аня еще раз уточняла на кулинарном сайте рецепт мяса по-нюрнбергски, ее вызвал Серая Вонючка. В приемной секретарша Вонючки глазами дала понять, что шеф зол, как вепрь. Аня вздохнула и открыла дверь.

– Как вы понимаете, я бы мог вообще с вами не разговаривать. Вас бы просто не пустили на ваше рабочее место. Но, как человек нормальный, адекватный, – Вонючка, с ударением на слове «адекватный», повернулся на каблуках и уставился на Аню, – я не мог сам лично не сообщить вам о вашем увольнении. Я бы мог не утруждать себя объяснениями, но, исключительно заботясь о вашем будущем, позволю дать вам несколько советов. Они вам пригодятся на новом месте. – Вонючка опять заходил по кабинету. – Если вы его найдете. Но чем черт не шутит. Итак...

Аня уже не слушала Вонючку, поскольку знала, что сейчас речь пойдет о высокомерии, неумении прислушиваться к начальству, излишней инициативности и нежелании принимать участие в корпоративных мероприятиях. Вонючка бубнил: «... надо уразуметь, что старшие, в конце концов, имеют право на уважение со стороны младших. Заносчивость и излишняя гордыня – враг любой офисной сотрудницы. Тогда как покладистость, знания и постоянная готовность учиться и взаимодействовать – ее лучшие друзья... Мы – часть огромной международной организации, где приняты четкие...» Анна Спиридонова смотрела на маленькое пухлое личико Вонючки, его залысины, слушала, как он вещает о ее увольнении и унылом бесперспективном будущем, и даже чувствовала облегчение. Уж очень тяжело ей в последнее время давалось общение с шефом. Они не сработались сразу же, но он вынужден был ее, классного специалиста, терпеть – на носу была сдача отчета о годовой деятельности. Вонючка имел очень приблизительное представление о том, как правильно приукрасить безделье вверенной ему синекуры. Аня, спасая ситуацию, занималась подготовкой нескольких документов, сразу переводя их на английский и французский языки. Французский она знала слабее, но ей не хотелось, чтобы другой переводчик испортил текст, над которым она корпела много дней. Ситуацию она, конечно же, спасла. Потом, когда коллектив вместе с шефом и иноземными

господами натужно праздновал победу, Аня демонстративно покинула офис, сославшись на срочные дела. На самом деле Аня услышала, как Вонючка, нарочито громко разговаривая по телефону со своим приятелем из другого подразделения, заявил во всеуслышание:

– ...Спиридонова – да просто поганка какая-то, но выгнать не могу, вроде соображает.

Остальное дослушивать Аня не стала – она сделала строгое лицо и прошла к своему столу, чтобы взять сумочку. Шеф не спеша положил трубку, оглядел с ухмылкой всех подчиненных и как ни в чем не бывало заговорил о подготовке к ближайшей конференции.

Манера унижать и оскорблять у Вонючки была в крови. Он жить не мог без подобных пассажей. Знающие его люди утверждали, что он так отыгрывается за все обиды прошлого. Дело в том, что Сергей Петрович Коренев пришел в эту международную организацию, занимающуюся проблемами ветеринарии, с весьма известного мясокомбината. Карьера Сергея Коренева на мясокомбинате развивалась стремительно. Сначала он был разнорабочим – и его шпыняли все, кому не лень, потом разгружал вагоны и машины с замороженными тушами, потом его повысили и он эти туши разделывал. Из этого жизненного периода Сергей Коренев вынес науку варить и пить густой говяжий бульон, которой его обучили работавшие в цехе разделки татары, узнал, как пахнет протухшая свиная голова, и научился этот запах не замечать. Еще один важный навык – грубо, но льстиво угождать начальству и хамски обращаться с подчиненными. Набор этих знаний и навыков он успешно перенес на новое место работы – в московское отделение уважаемой международной организации, призванной оберегать здоровье сельскохозяйственных животных. Как он попал на должность директора, никто не знал, догадки строили разные, но подтверждения ни одной из них пока не нашлось. Рассказы Сергея Петровича о запахах в мясных цехах и том, что кладут в сосиски или колбасу, большой популярности не имели даже у самых трусливых подчиненных, которые и дали ему прозвище Серая Вонючка. Серая – потому что у начальника было много костюмов мышинного цвета. Вонючкой он стал за свое хамство и любовь портить всем настроение и аппетит. Несколько раз Сергей Петрович пытался приставать к Ане – это тоже было вполне рядовым событием в подведомственном ему подразделении, но та намекнула на свое знакомство с крупным чиновником из другой профильной организации, и Сергей Петрович отстал. Но злобу на высокомерную сотрудницу затаил.

И вот сегодня наконец наступил его звездный час. Корнев, даже не предложив Ане присесть, с упоением принялся поучать ее: «Вы совсем не красавица, чтобы быть такой заносчивой и капризной. Ваши профессиональные навыки оставляют желать лучшего...» Аня послушала его, послушала, а потом сбросила с правой ноги «лодочку» на шпильке, пошевелила затекшими пальцами, балансируя на одной ноге, вновь надела туфлю, развернулась и, приоткрыв дверь в приемную, внятно и отчетливо, так, чтобы ее голос был везде хорошо слышен, произнесла:

- А не пойти ли вам, Сергей Петрович, на...?!

Потом Аня аккуратно, как и положено воспитанным людям, прикрыла дверь, прошла к своему рабочему месту. Побросала в большую картонную коробку личные вещи и покинула офис. Ей впоследствии рассказывали, что Сергей Петрович от злости сломал письменный прибор на своем директорском столе и довел до истерики секретаршу.

Аня изо всех сил бодрилась, пока глаза коллег выражали ей сочувствие, поддержку и одобрение. И пока ехала домой, в душе ее еще бушевало негодование и презрение к этому отвратительному самодовольному человечку. И вечером, когда Аня рассказывала дома о произошедшем, ею владели злость и ярость. На все лады она пересказывала эту историю, раз десять воскликнув: «Представь, я так ему и ответила!», припоминала все гадости, который совершил ее начальник за последние два года. Со стороны могло показаться, что девушка боится остановиться, боится замолчать, чтобы не остаться один на один с этим кошмаром.

Слушал ее Максим – молодой человек, с которым она состояла в отношениях. И пусть они очень много времени проводили вместе, истинной сердечной привязанности девушка к нему не испытывала. То, что их связывало, она не могла точно сформулировать даже для самой себя. А если честно, сознательно не делала этого.

Но сегодня Ане очень хотелось, чтобы к любящему, явно любящему ее Максиму она испытала благодарность за разделенные с ней страдания.

Максим утешил ее своеобразно:

– Слушай, у нас таких уродов – два этажа, – обняв Аню за плечи и участливо глядя в глаза, произнес он. – И хамят они иногда, и под юбку девчонкам норовят залезть. Но пойми: так было всегда и везде. Почитай классическую литературу. Современную, особенно французов.

Но Ане не было дела до французов. И тем более не до литературы. Она, привыкшая работать, то есть выполнять конкретные действия, которые имели конкретный результат, во-первых, не могла себя представить без работы, а во-вторых, сейчас, дома, ее больше всего бесило воспоминание о том, как Сергей Петрович обозвал ее «поганкой». «Нет, я даже представить себе не могу, чтобы кто-то посмел назвать меня!.. Так что совершенно правильно я сделала», – думала она про себя, слушая успокаивающего и объясняющего создавшуюся ситуацию на свой лад Максима.

Поняв, что Максим, к сожалению, все равно «не с ней», Аня даже успокоилась. Благодарность отменялась.

Ей стало даже как-то спокойнее.

И пусть уверенность в правильности собственных действий потихоньку размывалась, Аня легла спать, чувствуя себя почти победительницей.

...Утро следующего дня было уже совсем другим. Когда рушится крепостная стена из каждодневных рутинных дел, привычек и ритуалов, человек ощущает себя совсем голым, незащищенным, растерянным. Так происходило сейчас и с Аней Спиридоновой. Перспектива утра без интенсивных сборов, рассчитанных буквально по минутам, без обязательного стояния в пробке, без офисной нервозности в течение дня, без звонков, сплетен, мелких дрызг и даже без Серой Вонючки оказалась пугающей. И это было не настроение, это была реальность, которую необходимо подогнать под привычные стандарты. Аня, собравшаяся еще раз обсудить с Максимом свой уход из компании и более доходчиво объяснить ему причину сделать своего молодого человека все-таки союзником и единомышленником в этом вопросе, обнаружила, что времени у него нет, что ему срочно надо бежать, поскольку начинается совещание, а еще сегодня отчет и встреча делегации.

И, чмокнув Аню на прощание, свежий и бодрый, Максим, занимающий весьма солидный пост в международной организации, убежал. Девушка осталась

в квартире одна.

Она сложила грязную посуду в посудомойку, уселась перед черным прямоугольником телевизора и задумалась. Конечно, вместо этого надо было хвататься за свой ежедневник, обзванивать знакомых, заводить пространственные разговоры о возможной работе, так, между делом, намекать, что готова попробовать себя в каком-нибудь новом амплуа – разумеется, для расширения границ познания мира, не из-за проблем на прежней работе, нет-нет-нет... Но растерянность и непривычная обстановка пустого чужого дома, в котором чем-то надо себя занимать, парализовали волю...

Так, просидев в кресле с нераскрытым ежедневником на коленях, Аня провела день. А затем еще и еще – день за днем она не могла ни на что решиться, потихоньку впадая в уныние.

...Но Аня была бы не Аня, если бы ее энергичная натура не взяла верх, отстранив уныние от дел. Три месяца, что прошли с момента Аниного увольнения, – срок более чем достаточный, чтобы наунываться как следует.

Приехав однажды вечером к Ане домой в веселом настроении, какое бывает у человека, знающего что-то поразительно интересное, Максим застал свою любимую сидящей на диване. На ее лице тоже была улыбка. Только загадочная. Но Максим, торопясь поведать Ане то, что ему явно очень сильно хотелось поведать, этого не заметил. И бодрейшим голосом воскликнул:

– Ну, я смотрю, ты повеселела! Освоила роль счастливой и спокойной домохозяйки? Ну, не домохозяйки – пока просто домоседки! Отдыхающей. Я же тебе говорил, что надо иногда брать тайм-аут...

Аня даже не кивнула ему. Но Максима и это не насторожило. С интригующим видом прохаживаясь перед сидящей Аней, он продолжал:

– Ну, что я тебе хочу сообщить, зая. Я тут навел справки. Нет-нет, просто так, ради любопытства. И знаешь, что понял? Что этот твой Сергей Петрович не самый плохой мужик. Да, простоват, да, и воспитанием не блещет, но, между прочим, деловой. И с любым начальством умеет поладить!

Максим посмотрел на Аню. Та пожала плечами:

– Не знаю. Видишь ли, на вкус на цвет, ну и так далее. Могу сказать только одно: слава богу, что и этот самый Сергей Петрович, и все, что с ним связано, осталось в прошлом... Я очень жалею, Максим, что поддалась твоим уговорам и согласилась на эту работу. Мне надо было, конечно, оставаться в ветлечебнице.

– Не выдумывай! – замотал головой Максим. – Во-первых, на службе под руководством Сергея Петровича тебе платили весьма неплохие деньги. А во-вторых, в этой твоей ветлечебнице нет и не может быть никакого карьерного роста. Максимум, ты могла бы дорасти там до должности заведующей каким-нибудь отделением по ловле блох у хомяков. Шутка. Но...

– Ну и что?! – возразила Аня с жаром, проигнорировав шутку про блох и хомяков. – Я могла бы заняться научной работой. Впрочем, я теперь так и сделаю.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Максим.

– Я буду поступать в Лондонский Королевский ветеринарный колледж, – заявила Аня.

Удивлению Максима не было границ:

– Тебе что, твоей Тимирязевки мало? У тебя же уже есть высшее ветеринарное образование! Не понимаю...

– В Тимирязевской академии мне дали отличное образование, которое больше направлено на практическую деятельность, – спокойно принялась объяснять Аня, – а там, в Лондоне, у меня будет возможность заниматься наукой. Специфика в разных учебных заведениях тоже разная, понимаешь?

– Ты это серьезно? – Максим все еще отказывался верить услышанному.

– Абсолютно, – кивнула Аня. – Я решила подтянуть свой английский. К тому же я буду готовиться по программе для поступающих, которую мне уже прислали

из Королевского ветеринарного колледжа.

– А как же... – начал было Максим.

– Макс, я хочу уехать, – перебила его Аня. – ты должен понять. Последние месяцы мне очень тяжело дались. Каждый день, пока тебя не было дома, я тут думала-думала-думала... Я вымоталась. И единственное, что мне сейчас хочется, – это учиться. Я попробую поступить?

– Ну да, конечно...

Максим был очень огорчен тем, что Аня опять поступала по-своему.

И она начала заниматься подготовкой к поступлению.

Это было счастливое время. Иногда Ане казалось, что она – ученица одиннадцатого класса, у которой на носу экзамены. Разница заключалась лишь в том, что не было страха перед неизвестностью, что за плечами были студенческие годы и опыт практической работы. «Нет, не зря я ставила клизмы собакам и оперировала морских свинок! Не зря была укушена лошадью, – радостно думала девушка. – Как легко ложится теория на хорошую практику!»

Дело было не только в том, что она ехала учиться за границу, а в том, что она получала еще один навык – обучение на чужом для нее языке. И, как всякий новый навык, новое умение, это вселяло в нее определенное чувство гордости и свободы.

Год пробежал быстро. Наступило время отъезда в Лондон. В аэропорту Аню провожал Максим. Лицо у него было, как у человека, который ел сладкую сливу и внезапно обнаружил там червячка. Разочарование, обида и стремление предостеречь Аню от глупостей – все это «прочитывалось» без труда.

– Не волнуйся. Я поступлю и сразу же вернусь. Занятия ведь начнутся не раньше осени. Мы успеем обо всем переговорить, – попыталась приободрить его Аня.

В ответ Максим лишь глубоко вздохнул.

Уезжала Аня легко – ей казалось, что нет ничего проще, чем выполнить то, что она задумала...

Все недолгое время, проведенное в Англии, Аня Спиридонова ни разу не задумалась о поражении. Девушке казалось, что с ее трудолюбием, упорством и преданностью профессии взять эту высоту будет достаточно просто. Английский язык, который она изучала с детства и который усовершенствовала в период подготовки, был хорошего уровня, он позволял свободно общаться и слушать лекции. Аня очень быстро поняла, что ее опыт превосходит опыт других поступающих – еще только двое до поступления проработали на ферме и в ветлечебнице. Аня старалась быть внимательной и быстро уяснила, что умничанья здесь не любят, что полагается отвечать только на строго поставленный вопрос, даже если ты можешь рассказать гораздо больше.

Она почти не выходила в город, проводя все время за учебниками. Только уже поздно вечером в качестве прогулки она совершала переход через большой мост и бульвар, чтобы оказаться в большом освещенном кафе, там поужинать и позвонить Максиму и маме. Голос Максима, когда он снимал трубку, напоминал голос пенсионера, который боится телефонных хулиганов.

– Да-а-а? – грубовато-настороженно произносил он и замолкал, словно опасаясь, что из трубки сейчас раздастся выстрел.

– Макс, в чем дело? Ты кого-то боишься? – как-то спросила его Аня.

– Почему боюсь?! Откуда ты взяла, что боюсь?! Что ты в самом деле говоришь?! – голос вдруг приобрел звонкость и вместе с тем враждебность. Аня всегда чувствовала себя страшно виноватой, что она сейчас здесь, в Англии, сдает экзамены, а несчастный Максим страдает от одиночества в Москве.

– Макс, я скучаю, – на всякий случай в середине или конце каждого разговора произносила Аня.

– Ну, допустим, я тоже, – отвечал ей сурово Максим, – и что из того? Ты же сейчас не возьмешь билет на самолет и не прилетишь в Москву.

Аня в ответ начинала что-то лепетать про то, как она мечтает поступить в колледж, каким радостным будет ее возвращение, как хорошо, что Максим понимает ее. (Хотя на самом деле она чувствовала, что он совсем не понимает!) И всегда в интонациях ее голоса звучало извинение за самовольное решение и отъезд. Максим реагировал на ее невнятный лепет каждый раз одинаково: просто молчал в трубку. Аня представляла его лицо в эти моменты – оно казалось ей мордашкой надутого капризного ребенка. Сворачивая разговор, Аня долго прощалась, стараясь развеселить и взбодрить Максима, но разговор они прекращали в разных тональностях. Тональность Ани была заискивающей, хотя и с надеждой на понимание, а тональность Максима – суровой. Таким образом он давал понять, что терпит дурь подруги из последних сил. «Неужели нельзя хотя бы сделать вид, что он меня понимает? Просто чтобы расстаться по-доброму, со спокойной душой», – думала Аня, после разговора заказывая себе легкий ужин. Завершив ужин, она еще долго сидела в кафе. В этой чужой стороне, куда девушка приехала по собственному желанию, ей иногда очень нужно было побыть среди шумной толпы, услышать, увидеть людей, попытаться почувствовать хотя бы мимолетную сопричастность с ними.

Накануне экзамена Аня опять позвонила в Москву. Она не волновалась, но ей вдруг захотелось услышать: «Ты просто молодец! Даже если не поступишь – все равно молодец. Решиться на такое, столько заниматься, проявить упорство, настойчивость – на все это не каждый способен. Я горжусь тобой, Аня!» Ей хотелось, чтобы ее похвалили.

– Ты скоро возвращаешься? – это были первые слова Максима. И подразумевали они Анино поражение. Действительно, что толку сидеть в Лондоне, если она провалила экзамен...

Аня ничего не ответила. Она помолчала, как будто бы вдруг возникли проблемы со связью, потом тихо повесила трубку.

Да, действительно, экзамен она не сдала. Уже после, когда гнев и отчаяние улеглись, девушка поняла, что ее вины тут особо нет. Разыгравшиеся волнение, внезапные ошибки в английском, терминологическая путаница и какая-то хитрая политика, согласно которой активно привечали абитуриентов из бывших метрополий, – все это вдруг совпало. И Анна Спиридонова должна была возвращаться в Москву...

...Аня прошла паспортный контроль, получила багаж и вышла в вестибюль, который был забит встречающими. Она покрутилась на месте, неловко орудуя маленьким чемоданом на колесиках, в поисках укромного местечка, где можно было бы присесть и перевести дух. Местечко такое нашлось под шелестящим табло. Аня уселась на кожаный диван и отгородилась от мира чемоданом. В руке она комкала старый отцовский платок, который неизвестно каким образом оказался в кармане ее плаща. Удивительно сохранившийся родной запах отцовского одеколona заставил ее расчувствоваться. Ане захотелось расплакаться, но сделать это ей мешали снующие вокруг люди. Впрочем, слезы были уже где-то рядом с густо накрашенными ресницами. Минуту-другую девушка боролась со своими чувствами, а потом беспокойный шереметьевский терминал поплыл перед ней в мутной пелене – Аня плакала, не утирая слез.

Она понимала, что несданный экзамен не стоит таких переживаний, что она отчасти была готова к подобному развитию событий, что эти слезы, скорее всего, лишь результат переутомления, которое она заработала, стараясь перемахнуть через очень высоко поднятую планку. Аня все это понимала, но неудача сразила ее. Возвращаться домой без победы, в виде жалкой проигравшей, было стыдно. Ведь близкие и друзья были абсолютно уверены в том, что она поступит в Королевский колледж!

– Господи, тебе стоит там только улыбнуться! – говорили подруги.

– С твоим знанием английского, образованием и опытом – какие проблемы? – пожимала плечами мама.

– Ты сможешь, – кивали братья.

И вот, пожалуйста...

Шереметьевские рыдания.

Немного успокоившись, Аня сжала руками виски и задумалась. Ей хотелось во что бы то ни стало понять причины произошедшего, проанализировать, разложив все по полочкам. Она постаралась до мельчайших подробностей вспомнить все свои действия, слова, экзаменационные ответы. Из вереницы воспоминаний Ане удалось выхватить нечто важное: а ведь действительно,

сразу после первого экзамена у нее осталось ощущение провала, но она гнала его от себя. «Я устала, только и всего. Перенервничала. Переутомилась», – говорила она себе тогда. Но ее прямолинейная натура, ее строгость – прежде всего по отношению к самой себе – не давали возможности самозабвенно плескаться в теплых волнах иллюзий. Чутье подсказывало Ане, что можно собирать чемоданы, что к следующему экзамену ее не допустят, что ее попытка взять планку оказалась неудачной.

Сейчас, когда она вернулась в Москву, даже не позвонив и не предупредив родных, подруг и Максима, ей было страшно от собственной, как ей казалось, беспечности. «Как я могла?! – лихорадочно думала Аня, продолжая изо всех сил сжимать пальцами виски. – Зачем уехала? Ведь была работа, хорошие деньги, уважение, перспективы! Я же все взяла и перечеркнула!»

Слезы опять подступили к горлу. Аня опять заплакала, отлично сознавая, что дело было не том, что она провалила экзамен в одно из престижных учебных заведений. В конце концов, есть немало других институтов, куда ее возьмут почти без экзаменов! Дело в ней, в Ане. Последние три года, проведенные в страшной гонке, в соревновании с конкурентами и с самой собой, в постоянном бдительном услужении начальству, оказались настолько трудными, что только амбиции, только честолюбие, которое взрастили в ней родители, заставили предпринять эту авантюру. А по совести говоря, не надо было увольняться из ветлечебницы и переходить на эту бумажную работу под началом Серой Вонючки, не надо было после увольнения, не подумав, ради удовлетворения тех же самых амбиций и стремления что-то доказать, срочно совершенствовать английский, ходить на лекции и готовиться к поступлению в Королевский ветеринарный колледж... Сейчас, после второй, как ей казалось, жизненно определяющей неудачи, Аня не могла избавиться от растерянности, которая отчетливо выражалась на ее лице, сквозила в поведении. Словно что-то было утеряно, но собраться с силами и начать искать это утерянное Ане почему-то уже не хотелось.

Она не хотела, чтобы ее утешали, так как знала цену сочувствию. Услышав о том, что Аня не поступила, подруги примутся за дело горячо и со сладкой долей злорадства. «Анька, ты слишком многого хочешь!» – будут повторять они и предлагать снизить планку и быть как все. Мама обеспокоенно и с досадой будет повторять: «Ладно, дочка, обидно, конечно, а попробуй-ка еще раз...» Максим же удовлетворенно констатирует: «Я же говорил, тебе это не надо! Тебе лучше устроиться в фирму, где спокойнее, и деньги неплохие, и вообще...»

Вообще – это будет намек на близкую свадьбу. Предложение Ане Максим сделал еще летом, но в связи со всеми ее делами оба решили, что свадьбу сыграют будущей весной. А то и будущим летом. Теперь же можно не оглядываться на обстоятельства и спокойно готовиться к приятному торжеству... Еще Максим наверняка намекнет на то, что карьера карьерой, но пора и честь знать. О чести тоже можно было призадуматься, потому что Анина жизнь в предыдущие три года, несмотря на очевидные карьерные успехи, была сплошным компромиссом – то и дело девушка шла на компромисс с воспитанием, полученным дома, с собственными убеждениями, добытыми в процессе взросления, а порой и с совестью. Уйдя из ветеринарной клиники и покрутившись в сфере клерков, Аня Спиридонова сделала для себя удивительный вывод: а ведь модная художественная литература об «офисном планктоне» – это не что иное, как гламурное, облегченно-ненапряжное и игривое переложение хроник работных и сиротских домов времен Чарльза Диккенса. Ничего с тех пор не изменилось. Цинизм и лицемерие, зависть, мстительность и раболепие – все это присутствовало в офисном мире. Аня, умница и отличница с полным набором высокоморальных принципов, неожиданно для себя столкнулась со средой, к которой можно было только лишь приноровиться. Стать ее частью нормальному человеку не представлялось возможным. Аня, которую поддерживал Максим, уверявший, что не так страшен офисный черт, каким он представляется некоторым чересчур принципиальным барышням, сжала зубы и, пытаясь не растерять свои добродетели, принялась делать карьеру. Ей удалось – таки остаться собой, но результатами этого восхождения стали сильнейший невроз и горячее желание побыстрее покинуть эту славную международную организацию, где карьерная алчность сотрудников не скрашивалась даже англосаксонской сдержанностью иноземного начальства. Конфликт с Серой Воючкой, который когда-то она сама восприняла, как благо и возможность выхода, теперь казался Ане одним из звеньев начинающихся проблем. Ее личной неудачей. И вот вторая подряд неудача, провал на экзаменах... Это оказалось уже многовато. Даже для Ани, человека с сильным характером.

Сидя сейчас в зале прилетов аэропорта Шереметьево и анализируя все это, девушка вдруг почувствовала невероятную усталость. Ее клонило в сон – мозг, видимо, перенапрягся. Собрав волю в кулак и сознательно отгоняя естественное желание известить хоть кого-нибудь о своем возвращении, Аня поймала такси и поехала в свою собственную квартиру, где сейчас никто ее точно не ждал. Там она наскоро умылась, улеглась на узкий диван, завернулась в плед и заснула. Последнее, что она помнила: маленькие квадратные часы из оникса, подаренные мамой на последнее Рождество, пробили пять часов...

Проснулась она, когда на потолке лежал большой солнечный прямоугольник, а улица была тиха – все как будто упрекало разоспавшуюся Аню, намекая на то, что в Москве наступил полдень. Аня потянулась, потерла затекшую руку и перевернулась на спину. В ее маленькой квартире было тихо, светло, пахло почему-то лимоном и казалось, что вчерашний день, как, собственно, и предыдущие три года, был не реальностью, а фильмом, который снял плохой режиссер. Аня полежала с закрытыми глазами, попыталась расстроиться по поводу своей незадачливой судьбы и вдруг поняла, что совершенно не может этого сделать. Более того, казалось странным, что она так вчера рыдала. Аня открыла глаза, осмотрелась: и комната показалась девушке незнакомой. «Ничего удивительного, – объяснила себе Аня, – я уезжала отсюда рано утром, приезжала поздно. Или вообще не приезжала...» У нее хватало сил лишь на быстрый душ, почти автоматическое причесывание и скорый макияж. Все недоделанное с утра дома доделывалось на работе, тайком от коллег и начальства. Выходные дни Аня всегда проводила у Максима, только иногда на час-другой заезжая к матери. Как впряглась Аня Спиридонова в упряжку служения карьере, так и выпряглась из нее только после Вонючкиного демарша с увольнением...

Вот так и получилось, что у Ани была квартира, но не было дома, был любовник, но почти не было личной жизни, и, что самое интересное, была работа, но не было любимого дела. И пусть так живут миллионы офисных тружеников. Она, Аня Спиридонова, больше не хотела принимать участие в этом проекте.

«Такое впечатление, что я в гостинице – настолько непривычен мне собственный дом...» – подумала Аня и вдруг поняла, что она впервые за долгое время никуда не спешит, а просто лежит на диване. Ее взгляд пробежал по стенам с маленькими глупенькими постерами, по мебели – два дорогих предмета и четыре дешевых, по платьям и брюкам, брошенным на большое кресло, – раз в неделю, в воскресенье вечером, Аня разбирала этот ворох одежды, а перед отъездом в Англию она даже не потрудилась привести заброшенную квартиру в порядок. «Вот это да!» – сказала Аня, с удивлением обнаружив большую трещину, бежавшую от стены к люстре, и «кружева» отслаивающейся побелки. Вид потолка, оголенного прямым солнечным светом, заставил Аню еще раз внимательно осмотреть свое жилье. Пятна на обоях, паркет, который еще остался от старых хозяев, плинтусы, рамы пластиковых окон, пришедших в упадок... Аня поднялась с дивана и прошла в ванную – кафель лучше бы тоже поменять, как и пол, выбросить кухонный гарнитур и неудобную газовую плиту. «Работы на месяц, – прикинула Аня, – а по деньгам... Ну и черт с ними, с деньгами, они у меня есть! За три года мучений я новую квартиру точно

заслужила!»

Через два часа, аккуратно зачесав назад мокрые после душа волосы, одетая в старые джинсы и маечку позапрошлого сезона, бодрая Аня составляла список необходимых покупок, высчитывала точный метраж ванной комнаты, туалета, кухни. И одновременно ругалась по телефону с мамой:

– Мама, не сердись, я вчера ночью прилетела, звонить тебе было поздно. Недавно только проснулась. Все нормально. Не поступила. К тебе приеду, только позже, а пока дай мне телефон тех ребят, которые нам дома гостиную ремонтировали!

– Аня, тебе сейчас надо отдохнуть и искать работу! – мама на том конце провода была и мягка и сурова одновременно.

– Мама, я ближайшие два месяца работать не буду. Я хочу сделать ремонт! Понимаешь, никуда не ездить, никого не видеть, ни с кем не спорить и не делать вид, что мне безумно интересны идеи, проекты, планы. Я устала. И хочу побыть дома.

– Анна, – голос мамы зазвенел, – так не пойдет. Жизнь может повернуться как угодно, но нельзя сдаваться и тем более запираешь себя в четырех стенах. А потом, как ты собираешься жить?! Лежать на диване, смотреть в потолок, выходить из дома, только чтобы посетить продуктовый магазин? Без работы жить нельзя, а работу найти быстро невозможно!

– Мне не надо помогать, – спокойно гнула свою линию Аня. – Со мной все в порядке. У меня есть деньги. И я точно знаю, чем хочу сейчас заняться.

Аня повесила трубку, представляя, как мама со старшими братьями, Вадимом и Юрой, уселись за стол и обсуждают «сложившуюся ситуацию». А ситуации никакой не было – просто Аня в очередной раз попыталась выстроить жизнь так, как хочется именно ей самой. Не как правильно, не как поступает большинство, не как хочет мама или будущий муж...

Впрочем, вечером ее терпение испытывал Максим:

– Зачем тебе это? Переезжай ко мне. Потом как-нибудь найдем работяг, они все сделают. Что ты сейчас будешь ездить по рынкам, покупать обои...

– Да, представь себе, я хочу покупать обои, ездить по рынкам, смотреть кафельную плитку и наконец понять, чем клей метилан отличается от клея бустилат! – уверенно заявила Аня. – А вдруг мне больше такой возможности не представится?

Разговор этот Аня и Максим вели в дорогом ресторане. Они ели рыбу в «соляной шубе», пили белое вино и старались друг на друга не обидеться. Девушка понимала, что Максим ее любит и пытается заботиться о ней, а Максим про себя вздыхал и сетовал, что его любимая – упряма до изнеможения. «Жила бы у меня, я бы приходил вечером, она бы встречала меня...» – пугливой маленькой рыбкой плавала в его голове нехитрая мысль.

Как и всегда, ночь с субботы на воскресенье Аня провела у Максима. Эти встречи были спокойны и будничны, словно они прожили не один год. Но в этот раз Максим, будто бы что-то чувствуя, не уставал повторять:

– Как хорошо жить без всяких потрясений! Нет, конечно, страсть нужна, но согласись, Аня, что силы надо тратить на что-то более полезное...

Аня с трудом подавляла раздражение – почему-то правильные и осторожные чувства Максима вызывали в ней глухой гнев. Но они знали друг друга достаточно давно, привыкли друг к другу. Всем был хорош Анин молодой человек, но некоторая деспотичность, излишний педантизм и скрытность представлялись этой умной девушке достаточным препятствием для того, чтобы она захотела строить с Максимом семейную жизнь. Впрочем, пока на словах Аня соглашалась с ним. Уверенная, что, как только ее совсем перестанут их отношения устраивать, сможет сказать твердое «нет». Как ни крути, а его любовь и привязанность были очень приятны. В первую очередь из-за того, что они БЫЛИ.

Аня и Максим познакомились по классической схеме. Придя в свой любимый Пушкинский музей, Аня пробежала экспозицию английских художников и спустилась в «египетский зал». Именно там находился экспонат, который много лет не давал ей покоя, манил, заставлял напрягать воображение и ум в попытке разгадать его загадку. Мумия кошки фараона – вот что это был

за экспонат. Чем привлекала и завораживала юного ветеринара маленькая, серенькая, обмотанная бальзамическими бинтами фигурка, трудно сказать. Но только Аня могла часами сидеть возле мумии на мягкой банкетке и представлять, как эта кошка, живая и здоровая, бродит по тростниковым зарослям, почесывает спину о жесткие стебли, за которыми видна вода, желтоватая вода Нила. Уже стояли пирамиды и дворцы, всюду бурлила культурная египетская жизнь. Кошку, как любимицу властителя, ждали в покоях фараона. Специально приставленные к ней слуги искали ее, крича какое-нибудь специальное «кис-кис», которое приличествовало при обращении к питомцу царя Египта. Эти картины были настолько явственными, что Аня иногда пугалась своего воображения. «Почему мне это так нравится?» – думала она. И не находила ответа. А воображение продолжало рисовать перед ней картины жизни царской котейки... Молодой человек, который однажды остановился рядом с Аней, был невысоким, с аккуратно уложенными темными волосами. Одет он был в серый костюм. Это и удивило Аню.

«Странно видеть в музее человека в костюме и в галстук. Но раз он здесь, то наверняка человек творческий. Видимо, сбежал с какого-то торжественного приема и захотел восполнить утраченный в официозе творческий настрой», – подумала Аня и ошиблась.

– Вы хотите, чтобы этот тощий кот ожил? Вы его взглядом гипнотизируете? – пару минут поглядев на мумию, молодой человек обратился к Ане.

– Почему вы думаете, что это кот? – Аня вопросительно посмотрела на незнакомца.

– Кошка?

– Не знаю... – Аня еще раз оглядела мумию, точно увидев ее первый раз.

– Давайте обсудим этот вопрос за кофе? – предложил молодой человек.

Аня согласилась быстро – молодой человек казался очень симпатичным, и манеры у него были хорошие. А манеры для Ани значили очень много. Она терпеть не могла хамоватых молодых людей, не имеющих в кармане носового платка, не знающих, кто первый – мужчина или женщина – должен войти в лифт, и начинающих знакомство со слов: «Слушай...» Правда, подружки

смеялись над требованиями, которые она предъявляет к мужчинам, но Аня от своего не отступала. А потому кавалеров у нее было очень мало.

За кофе Максим и Аня египетского кота почти не обсуждали, но зато обсудили нашумевший телесериал, перспективы проведения очередной Олимпиады и способы приготовления мохито. Молодой человек в каждой теме обнаружил сдержанную осведомленность и, как приличествует мужчине, позволил даме показать себя в выгодном свете. В свете всего этого Аня позволила Максиму проводить ее до дома.

Так случайная встреча «у кота», как они потом шутили, превратилась в прочные любовные отношения, которые прямоком вели к свадьбе. Уже позже Аня обнаружила в Максиме излишнюю педантичность, склонность к менторству и неумное желание взять под контроль всю ее жизнь. «Ладно, я тоже не подарок», – твердила она и делала вид, что соглашается с Максимом. Справедливости ради надо было сказать, что возможности хоть как-то влиять на Аню у будущего мужа было немного – встречались они только по выходным.

Их интимные отношения сначала вызывали у Ани недоумение и желание выяснить во что бы то ни стало все, что ее интересует. Максим, в общем-то, симпатичный и хорошо сложенный, уделяющий достаточно внимания своей спортивной форме, в постели был... вялым. Другого слова подобрать Аня не могла. В ночь с субботы на воскресенье Аня имела дело с очень нежным, ласковым и очень нерешительным любовником. Это ее крайне удивляло, поскольку, будучи одет, Максим излучал энергию и во многих вопросах был решителен и даже жесток.

– Послушай, если что-то не так – ты скажи, – не выдержала однажды Аня. Ей показалось, что дело в ней, что она не может вызвать более сильных эмоций у мужчины.

– Все замечательно, – последовал ответ, – ты великолепна.

После этих слов Ане было очень трудно объяснить, что хочется страстных объятий, поцелуев, от которых немеют губы, головокружительного падения в «сладкую пропасть». «Сладкая пропасть», конечно, была, но увлекали Аню туда так нежно и так лениво, что однажды на полпути она заснула. Любовник, к счастью, это понял по-своему.

– Я тебя совсем измучил, – с оттенком гордости в голосе произнес Максим. – Устала, бедная... Ну все, обещаю больше не приставать. – Произнеся все это, он откинулся на подушку и принялся нежно гладить засыпающую Аню.

Вспоминая это утром, Аня долго хохотала в ванной под душем. И решила, что «черт с ней, со страстью, все-таки Максим человек хороший, порядочный, заботливый, а главное, любит меня без памяти».

Самое интересное, что этот интимный казус расположил ее к Максиму, наполнив ее душу добрым снисхождением и почти любовью.

В остальном их отношения могли служить примером для какого-нибудь очерка в глянцево́м журнале. Он – молодой, симпатичный, целеустремленно делающий потрясающую карьеру, имеющий четкий жизненный план и безумно любящий будущую жену. Она – хороша собой, умна, амбициозна, всецело при этом в важных вопросах полагающаяся на будущего мужа. Родственники и той и другой стороны были в тихом («чтобы не сглазить») восторге. Только Анин брат Вадим после знакомства с Максимом упрямо поджимал губы. Максим ему не нравился.

– Он слишком амбициозен, слишком самоуверен и слишком много говорит о любви к Аньке, – так резюмировал он.

– В твоём понимании, надо ограничиться глухим бурчанием, – с насмешкой произнес брат Юра, поглядывая на матушку.

Дело происходило в гостиной дома Спиридоновых.

– Не надо бурчать. Но и орать не следует, – покачал головой Вадим. – Боюсь, что в гневе он крайне несдержан.

– Ну, по этому поводу пусть переживают его подчиненные, – бросил Юра.

– Не скажи. Анька тоже с характером. Как бы не нашла коса на камень...

Варвара Сергеевна молчала. Ей-то как раз Максим очень понравился. Ей казалось, что мужчина-победитель новой формации именно таким и должен

быть.

Предложение руки и сердца Максим сделал Ане так же, как и занимался любовью.

– Анюта, нам надо пожениться... Пора уже... – голос Максима был тих, в нем не чувствовалось волнения, а только озабоченность тем, чтобы им удалось правильно согласовать сроки и место проведения торжества. Будто бы речь шла не о свадьбе, а о посадке огурцов в открытый грунт.

Аня не удивилась предложению – на тот момент он уже поддавалась его уговорам и ушла из ветеринарной клиники в «престижную фирму». Следующим этапом престижной женщины из престижного офиса должна быть роскошная свадьба. Она почти дала согласие, настояв только на одном – о том, когда произойдет это счастливое событие, они поговорят тогда, когда она будет готова к разговору... А потом случилось то, что случилось: увольнение, депрессия, решение закончить дорогостоящие курсы английского языка, подготовка и попытка поступить в Королевский ветеринарный колледж.

... – Господи, дался тебе этот ремонт!! Зачем? – вторила Максиму Варвара Сергеевна в каждом телефонном разговоре и при встрече.

– Затем, что хочу, – неизменно отрезала Аня и отправлялась на строительные рынки и в магазины.

По вечерам она рисовала. Плиточный узор на полу в кухне, орнамент на кухонной стене и ванная комната – все это ей хотелось придумать самой. Ремонт двигался споро – сказывалось умение Ани управлять коллективом грубоватых ветеринаров. В бригаде, которую наняла Аня, строителей было всего трое. Эти бравые украинские хлопцы попытались было «нагрузить» ее озабоченностью по поводу запущенности квартиры, но Аня пресекла эти поползновения сразу же:

– Можете отказаться, потому что ничего сверх оговоренной суммы я не заплачу.

Мужики поворчали, но согласились со всеми условиями, предложенными хозяйкой.

Через месяц квартира имела совершенно иной вид: все, что можно было перекрасить, переделать, перепланировать, – все было перекрашено, переделано, перепланировано. Проблема внезапно возникла с ванной – плитка, которую купила Аня, требовала виртуозного умения работать с майоликой. Ребята-строители уже не притворно поцокали языками и класть эту плитку отказались.

Аня кинулась в Интернет, обзвонила всех знакомых. Умельца такой квалификации никто не знал. «И зачем только я эту плитку фигурную заказала?» – думала Аня, перешагивая через коробки с плиткой. В ее квартире было все сделано, но разгром в ванной комнате портил всю картину. К тому же сама ванна – изящная емкость на гнутых ножках – была пока выдвинута в центр, что затрудняло подход к зеркалу.

Из-за ремонта Ане пришлось переехать к Максиму, чему тот был только рад. И уже не так часто пилил ее за ненужность этой затеи. Правда, переехала она всего с двумя сумками своей одежды.

– Тебе надо было все сразу забрать, сказала бы, я машину заказал и грузчиков прислал... – В день переезда Максим немного огорчился, почувствовав временность мероприятия, но очень скоро уже радостно метался по комнатам.

«Нет, что ни говори, а такую любовь надо ценить. Такая радость не может не подкупать», – Аня даже растрогалась.

Потекли будни. Максим уходил на работу, а Аня, если позволял ремонт, который она контролировала до последнего гвоздика, оставалась дома: немного уборки, немного стряпни, все же остальное время – справочники по ветеринарии, лошадиным болезням и поиски плиточника высокой квалификации.

А однажды утром Аню разбудил звонок мобильного телефона.

– Доброе утро, дорогая! Ночью все было прекрасно! Ты очень... страстная... – голос Максима был негромким. Чувствовалось, что он, уединившись в своем кабинете, все равно шепчет...

– Доброе утро, – произнесла Аня. Она перевернулась на бок и прижала мобильник к уху. В свой ответ ей очень хотелось вложить столько же нежности, но, во-первых, она еще не проснулась, а во-вторых... во-вторых, разница в темпераменте оказалась проблемой, которую разрешить было очень сложно. Аня изо всех сил старалась убедить себя в том, что Максим отличный сексуальный партнер, но его заторможенность и скованность мешали. Девушке казалось, что «весь этот секс» ему не очень интересен, что все эти движения делаются только ради нее. Они с Максимом чувствовали и переживали не в унисон, они были похожи на двух пианистов, которые исполняли одну и ту же пьесу, но совершенно по-разному. И играть им ее в четыре руки невозможно.

– Там я телефон плиточника записал, просто в газете, которые в почтовые ящики кидают, утром нашел. Позвони, может, согласится тебе ванную сделать. Не торгуйся – деньги у нас есть! – Максим особенно нажал на «у нас». – А то ты, я чувствую, дергаешься...

«Дергаюсь, – подумала Аня, – но не из-за плитки! Подумать только, два человека, взрослых, умных, самостоятельных, умеющих в одиночку решать очень сложные вопросы, не могут доверительно поговорить!»

Не то чтобы их ночи влияли на их дни, но вот невозможность диалога, некоторая глухота и сомнение Максима – это, конечно, очень тяготило. Аня отлично понимала, что у них есть вероятность столкнуться с более серьезными проблемами: если Максим точно так же будет «играть глухого», то надежды на взаимопонимание немного. Особенно когда закончатся медовые времена и наступят будни.

Еще раз поблагодарив влюбленного мужчину за заботу, Аня нажала «отбой». И, не откладывая дела в долгий ящик, набрала номер, который эсэмэской прислал ей Максим.

Голос, который ответил Ане, был низким и глухим.

– Здравствуйте, Олег, – начала Аня. Услышав хоть и уважительное, но очень короткое приветствие, она принялась рассказывать об особенностях своей ванной комнаты и плитки, но через несколько мгновений усомнилась в том, что ее слушают или слышат. Разговор напоминал общение с пустотой – на том конце

не произнесли ни звука. Аня, привыкшая к тому, что Максим торопится закончить за нее все фразы (зачастую попадая впросак), несколько раз в недоумении прокричала в трубку:

- Алло, алло, вы слышите меня?!

- Конечно, - неизменно отвечали ей. Но затем опять наступала тишина.

Аня еще немного рассказала о своей проблеме и наконец раздраженно замолчала. Она терпеть не могла «беседы в один конец».

- Адрес, - донеслось из трубки.

Аня сквозь зубы продиктовала адрес. Человек на том конце уже ее раздражал, хотя он еще даже не приступил к работе.

- Завтра в квартире подежурит моя мама, ее зовут Варвара Сергеевна, а потом приеду я, - сказала она зло.

- Хорошо. До свидания, - произнесли на том конце.

После чего слышались гудки.

Когда через два дня Аня вошла к себе в квартиру, то сначала почувствовала запах пряной туалетной воды, потом услышала неприятный звук - это пилили керамическую плитку. И только потом она увидела недовольную гримасу своей мамы.

- Где ты немного плиточника раздобыла? - прошипела Варвара Сергеевна на ухо дочери.

- Это не я, это Максим, - ответила дочь. - пойду поздороваюсь, а то неудобно.

В ванной Аня обнаружила сильную загорелую спину необыкновенной красоты и классических пропорций. От спины исходил тот самый пряный запах, который Аня почувствовала с порога.

- Добрый день! Все в порядке? Если что-то понадобится - обращайтесь.

- Здравствуйте, в порядке, не понадобится. - «Спина» даже не повернулась, так что Ане оставалось лишь немного потоптаться у порога и вернуться в комнату.

- Я уехала, сама тут разбирайся. Столько денег выкинула на ремонт, все равно будете жить у Максима. - Мама так быстро собралась, что дочь не успела ей возразить, а только уже в захлопнувшуюся за мамой дверь пробормотала:

- Еще не факт, мне и здесь хорошо.

Несмотря на разруху в ванной, вся квартира являла собой образец порядка. Аня с удовольствием прошлась по единственной комнате, оглядела полочки, шкафы, поправила плед на диване и выровняла большую картину, которая теперь висела на месте глупых постеров. Все эти движения были продиктованы не столько стремлением к идеальному порядку, сколько желанием обозначить принадлежность. «Это мой мир, устроенный так, как я считаю нужным его устроить», - говорили Анины жесты.

Затем Аня отправилась на кухню. Тут был просто рай - продуманное самой Аней до мельчайших подробностей пространство и украшенное в соответствии только с ее замыслами. Мысленно Аня сравнила свою кухню с кухней Максима - огромным помещением, оборудованным по последнему слову техники, но холодным и неприветливым.

- Не таскай еду в комнату, Анюта, себе же лишнюю работу придумываешь, - укорял Максим Аню, которая норовила позавтракать, пообедать и поужинать в гостиной, - давай питаться в месте, отведенном именно для этого...

В этой фразе был весь Максим - ему не приходило в голову, что Ане может быть неудобно на кухне. Замечания же он не делал, но вольно или невольно поворачивал разговор так, что казалось - в большинстве случаев Аня поступает во вред себе.

- Макс, мне в гостиной очень удобно.

– Ладно, не сочиняй, забегаешься! Давай обедать на кухне. Зона столовой в нашей квартире – почти двадцать метров.

Аня, стараясь не ссориться, послушно накрывала трапезу в зоне столовой...

А кухня в ее квартире была такой, какую она хотела всегда, – пусть небольшой, но яркой, похожей на уютную комнату.

...Рука Ани потянулась к кофеварке:

– Может, перерыв сделаете? Кофе хотите? – крикнула она в сторону ванной.

– Сделаю, хочу, – из внезапно наступившей тишины донесся голос.

Аня хмыкнула и быстро поставила на стол две чашки, сахарницу, вытащила диетические хлебцы с отрубями. У нее в доме ничего сладкого и сдобного никогда не было. Нельзя сказать, что она вела очень здоровый образ жизни, но за талией следила.

Кофеварка вскоре зачмокала, испуская аромат.

– Кофе готов, прошу, – позвала Аня мастера.

«Интересно, он так голый и придет? С такого станется», – подумала она, усаживаясь за стол и помешивая ложечкой свой кофе. Взглянув в окно, Аня увидела привычные желтые качели, обрубок старого тополя, пустившего ветки куда-то в сторону, и железную крышу малюсенькой старенькой фабрики, которая еще до сих пор стучала своими станочками. «А это – счастье, – подумалось тут Ане, – такое все родное, и я сама по себе – такая, какая есть...» Именно последнее ее мучило больше всего – Ане казалось, что в присутствии Максима она становится чем-то неодушевленным, приложенным к тому миропорядку, который скрупулезно строил ее друг.

Плиточник показался в дверном проеме, и стало ясно, что даже сталинские квартиры с их высокими потолками могут казаться малогабаритными. Обладатель красивой спины был около двух метров ростом, с крупными накачанными руками и очень симпатичным лицом с волевым подбородком.

- Пожалуйста, присаживайтесь. – Аня на пару секунд растерялась.

Молодой человек был не только хорошо сложен, но и вполне естественно держался. К тому же не забыл надеть майку.

- Присяду, – ответил он и аккуратно опустился на высокий барный табурет. Тот заскрипел. – Сломается – починю, – невозмутимо отреагировал мастер.

- Надеюсь, – произнесла Аня, подвинула ему чашку с кофе, и в нарядной солнечной кухне повисло молчание.

Хозяйка дома внимательно рассматривала тополь, покачивающийся в окне, а мастер – хлебцы, аккуратно сложенные в сухарнице.

- Покормите? – неожиданно спросил он, видимо, осознав, что человеческая еда не может выглядеть так, как эти серые квадратики, покрытые кунжутом.

- Чем? – растерялась Аня.

- Картошкой жареной, можно яйцом залить. Можно еще колбасы, докторской. И хлеба.

- Что, прямо сейчас?

- Нет, сейчас не получится, у вас же холодильник пустой. – Молодой человек поймал возмущенный взгляд Ани и пояснил: – Я в него не заглядывал, это ваша мама сказала.

- Понятно. Если бы вы сразу предупредили, что мастеру необходимо питание, то я бы подумала...

- Не волнуйтесь, я вам дам денег на продукты, – молодой человек полез в джинсы, – но много не покупайте, тяжелые сумки не носите. Картошки и вовсе можно полкило. А завтра я прямо с продуктами приеду.

- Вот как? – Аня наконец опомнилась. – Значит, я должна вам обеспечить обед?

Она вспомнила, что бравые украинские работяги перекусывали на ходу огромными жирными бутербродами. На ее предложение заварить чай или кофе они смеялись и отвечали, что «мокрая и горячая еда силы вымывает».

– А вам это трудно? – Молодой человек смотрел на нее. Взгляд у него был, как у человека, который рассматривает узор на обоях – внимательный, но без особого интереса.

Аня смешалась. Действительно, что ей, трудно приготовить? Даже если он несколько раз обед попросит – сколько дней эту плитку-то укладывать? Всего неделя, от силы две!

– А завтрак и ужин тоже нужны?

– Нет, – серьезно ответил мастер, – только если что-нибудь из домашней выпечки – булочки с маком или с повидлом...

Аня задыхнулась от гнева – это она должна еще и пироги печь!

– Знаете что, я, пожалуй, – повысила голос Аня и со стуком поставила чашку на стол, – подумаю!

Но тут она подняла глаза на молодого человека и увидела, как он внимательно смотрит на тот же тополь за окном, а на щеке у него появилась маленькая ямочка.

– Вы шутите? – неожиданно для себя спросила Аня.

– Да. Но только в отношении булочек.

И они оба рассмеялись.

Теперь каждый день Аня вставала вместе с Максимом, наскоро завтракала на кухне-столовой, больше похожей на операционный больничный блок, и ехала к себе в квартиру. По дороге она заскакивала в магазин и покупала немного чего-нибудь вкусенького.

А мастер по имени Олег не обманул. На следующий день он приволок несколько огромных пакетов со всевозможными продуктами.

- Вот, брал все подряд, я же не знаю, что вы любите, - сказал он и удалился в ванную. Аня растерянно оглядела пакеты - продуктов хватило бы на месяц для семьи из двух человек.

- Я не умею готовить индейку, - появившись в ванной, сообщила она.

- Ее я сам приготовлю, - объяснил Олег, - так сказать, на прощальный ужин, когда закончу работу.

- Ага, а вы всех заказчиков индейками кормите?

- Нет, - ответ был односложный, и понимать его можно было как угодно.

Аня вернулась в кухню и принялась складывать продукты в холодильник. В этот день на обед она старательно готовила азу с рисом...

Времена наступили необычные - жизнь Ани Спиридоновой разделилась на две части. Спешное пробуждение и завтрак с Максимом, который, чем ближе была свадьба, тем больше суетился и поучал Аню. Она слушала его, не перебивая, поскольку все равно была уверена в том, что станет делать по-своему. Тратить же силы, нервы и хорошее настроение на досадные мелочи не хотелось.

Позавтракав, Максим совершал тысячу наказов и уезжал на работу, а Аня, немного покрутившись по дому, наскоро приготовив ужин и засунув его в холодильник, садилась в машину и ехала к себе домой, где с раннего утра, открыв своим ключом дверь, трудился плиточник Олег. Аня приезжала, заглядывала в ванную, только чтобы поздороваться. Мастер работал молча, не оборачиваясь, и его вид не выражал ни недовольства, ни расположения, ни внимания. И сразу шла на кухню - готовить обед. Первые дни она очень старалась - кому понравится, если продукты, купленные тобой, испортили. Картошку она резала аккуратнейшими кубиками, мясо тушила до состояния желе, а ингредиенты для салата промывала в десяти водах. Ровно в два часа дня мастер делал перерыв. Слышался плеск воды, которая лилась в раковину,

и скоро на кухне появлялся Олег, чистый, с мокрыми волосами, одетый в футболку или просторную рубашку. Он молча садился на высокий табурет и с аппетитом ел. Аня наливала себе чашку чая или кофе и присаживалась напротив.

– Ну как? – однажды не выдержала она. Именно в этот день, как ей казалось, удались голубцы.

– Великолепно, особенно хороша капуста, – тон мастера был совершенно серьезен, – она и не сырая, и не размазня, в самый раз. Это немногим удается.

Сначала Аня хотела съязвить, мол, как часто ему голубцы готовили, но потом раздумала. Она вдруг поняла, что в отличие от Максима, который старался выписать столбиком и подробно озвучить все ее неудачи, Олег умел отыскать неожиданные достоинства.

– Я рада, что понравилось. – Аня широко улыбнулась, ожидая ответной улыбки, но мастер, отодвинув пустую тарелку, спросил:

– А булочки есть?

Аня поперхнулась:

– Нет, булочек нет, есть печенье и хлебцы...

– Жаль. Спасибо, голубцы были великолепны. – Олег встал из-за стола и отправился в ванную. Вскоре оттуда послышался стук. А Аня, возмущенная вопросом, принялась со злостью мыть тарелку.

...Вечером этого дня она не находила себе места – из головы не шли злополучные булочки. «Ведь про булочки он тогда пошутил, так зачем же сейчас спрашивает?! С другой стороны, может, действительно испечь?!» Аня ворочалась под тяжелой рукой уснувшего Максима и совершенно серьезно решала проблему булочек. Утром же она, даже не помыв посуду после завтрака, поехала в магазин за мукой, яйцами и повидлом. Булочки так булочки! Ей не трудно – все равно целыми днями она ничего почти не делает. Правда, был еще Максим, которого вполне можно побаловать необычным ужином

или приготовить ему торт. Но Ане почему-то этого не хотелось. «Лучше бы ты...», «Когда пользуешься этим комбайном...», «Тесто надо было сделать песочное!» – Максим обязательно скажет что-то подобное, от чего настроение у Ани испортится. У него не появится изумление на лице при виде свежесдобитого пирога, он не будет есть с аппетитом, он даже не задаст вежливый вопрос об ингредиентах. От мастера Олега фейерверка эмоций тоже ждать не приходилось, но почему-то Ане было приятно видеть этого мужчину, уплетающего ее стряпню. И его лаконичные замечания ее трогали больше, чем цветистые комплименты Максима.

Тесто категорически не хотело подниматься. Аня его подбадривала возгласами: «В тебе же столько дрожжей, чего ж еще надо?!» и «Ну, давай, давай!», однако квашня оставалась бежевой глянцевой кашкой без всяких признаков пузырей и пузырьков. Уже поджарились котлеты, уже стояли тарелки и лежали приборы, а булочками в кухне даже не пахло. Только кисло пахло дрожжами. «Черт с ним, с этим тестом, булочки сделаю завтра. Может, получатся!» – подумала Аня, яростно втискивая большую миску с квашней в холодильник.

– Тестом пахнет! – На пороге стоял умытый Олег.

– Пахнет, но булочек вам не будет.

– Все мужу отвезете? – задав этот вопрос, мастер преспокойно отправил в рот половину котлеты.

Аня в который раз растерялась, хотя в самом вопросе не было ничего неожиданного. Только вот как ответить на вопрос и что в ответе должно быть главным – то, что булочки она не испекла, или то, что у нее нет мужа. Или то, что у нее есть молодой человек, почти муж, и если бы она испекла булочки, то обязательно бы ему отвезла... Мысли Ани спутались, как путаются нитки, потерявшие из виду клубок.

– Тесто не подошло, – наконец произнесла она.

– Но муж есть? – спросил мастер и отправил другую половину котлеты в рот.

- Муж будет, летом...

- То есть сейчас мужа нет? - уточнил мастер.

- Странные у вас вопросы, знаете ли. К плитке, которую вы сейчас кладете, они не имеют никакого отношения. Я ведь могу и рассердиться! - Аня возмущенно посмотрела на Олега.

- К плитке вопрос имеет наипрямое отношение: если бы она ему была нужна, он хоть раз бы на нее посмотрел. А сердиться можете сколько угодно - никуда не денетесь. Я в определенном смысле незаменим. - Мастер встал из-за стола, слегка наклонился в знак благодарности и добавил: - В котлеты можно добавить чуть капусты. Сочнее получается.

С этими словами он вышел из кухни.

Обескураженная, Аня машинально попробовала котлету...

Шел день за днем, и Аня Спиридонова стала привыкать к этим забавным будням. Раннее утро, поздний вечер, а также ночи пролетали быстро, поскольку главным вдруг оказалось то, что происходило днем в ее квартире. «Ванная комната - это вам не шутки! Тут должно быть все сделано на совесть, за всеми работами надо проследить!» - убеждала себя Аня, тщательно подкрашивая глаза перед тем, как отправиться к себе на квартиру. Приехав же, она здоровалась с Олегом, перебрасывалась с ним парой слов - Аня научилась общаться в той же манере, а потому больше не чувствовала себя уязвленной.

- Добрый день, в два часа - плов, - произносила она, не задерживаясь у ванной.

Пока Олег трудился, она всю старалась на кухне. Новая скатерть, красивые тарелки, закуски в маленьких плоских... Аня сновала от холодильника к плите, от плиты к шкафам и столам. Ей хотелось быстро закончить все дела и сесть за стол вместе с мастером - разговоры за обедом были остроумные и весьма познавательные.

Она так однажды завертелась, что ровно в два часа неожиданно для себя прокричала:

– Олег, бросай все, давай обедать!

И только сказав это, Аня наконец поняла, что происходит в стенах ее квартиры.

Будучи умной и наблюдательной, Аня искренне полагала, что грехопадение случается в момент, когда человек начинает сравнивать. По утрам, наблюдая за Максимом, она отмечала то, что видела раньше, но в силу отсутствия возможности и желания сопоставить, не вызывало у нее неприятия. Теперь же будущий муж казался наполненным мелкой суетой, которая пряталась под его дорогим серым костюмом. Дело было не только в манере Максима видеть и слышать абсолютно все и успевать на эти раздражители реагировать, дело было в его нежелании (или неспособности) видеть вещи значительные.

«Он всегда подметит мелкий недочет, но не похвалит в целом, – размышляла Аня. – Это касалось и моей работы, и моих увлечений, и стряпни, и желания украсить его дом. Что же касается последнего – это, похоже, вообще закрытая территория. Ни один предмет нельзя тронуть, чтобы не услышать: «Пусть там лежит!» И как я раньше послушно одергивала руки?..»

Аня понимала, что подобные вещи она покладисто и снисходительно относилась на счет присущей всем мужчинам вредности и консервативности. Но, как выяснилось, не все мужчины такие... От вечных одергиваний она уставала и существовала рядом с Максимом, стараясь ничего не трогать, не задавать неудобные вопросы, не переставлять книги и не экспериментировать на кухне. Их с Максимом «ночные отношения» оставались такими же неинтересными и ленивыми, как будто прожили они долгую жизнь, и эта жизнь, с накопившейся усталостью и раздражением, разъела то пусть не страстное, но милое и уютное интимное супружество, которое было поначалу. А ведь у них с Максимом сейчас и есть это самое «поначалу»... Что же тогда будет дальше?

Каждый вечер, возвращаясь к Максиму домой, Аня все чаще и чаще задавалась вопросом: что же она здесь делает? Переезжала она на время ремонта, но Максим, наложив тяжелую «начальственную» руку на ее планы, уже делал вид, что поселилась у него Аня навсегда и что любая попытка к самостоятельности им будет расцениваться как попытка измены или даже

измена. Приезжая к себе, она сначала невольно, а потом и сознательно сравнивала двух мужчин. Оба были симпатичными, неглупыми, работающими. Оба нравились женщинам и понимали, что нравятся, – это было видно по их поведению. Разница заключалась, как казалось Ане, в отношении к жизни, а соответственно к окружающим людям. Впрочем, Олега она знала совсем немного – дней десять, ибо ремонт ванной комнаты таинственным образом затянулся, но за эти десять дней она могла точно распознать те самые отличия, которые заставляли ее проводить в своей квартире все больше и больше времени. От Олега, вместе с пряным запахом его туалетной воды, исходил дух авантюризма. Ане иногда казалось, что в каком-нибудь шестнадцатом веке Олег мог вполне пуститься в рискованное плавание, а потерпев крушение и будучи выброшенным на берег, вполне комфортно обустроить свою жизнь. К его явной авантюристике примешивались земной здравый смысл и гармоничная обстоятельность. Та самая, которая позволяет начинать жизнь заново с любой точки отсчета. Начинать без сожалений, полноценно, полнокровно, не рефлексировав. Аня в этот ее непростой период, когда прошлое еще не подверглось анализу, а о будущем не хочется задумываться, чувствовала себя очень комфортно рядом с человеком неторопливым и не обремененным беспокойством. Предсвадебная суэта, развернутая Максимом, доводила ее до головной боли.

– Еще очень много времени, не спеши, еще успеем, – твердила она в ответ на ежевечерние вопросы Максима о ресторанах, свадебном путешествии, отелях. Ей было бы приятнее, если бы он делился с ней рабочими проблемами, советовался, рассказывал о каких-то интересных людях. Иногда ей даже казалось, что она ведет себя как парень, который женится не по своей воле, а потому имеет полное право капризничать, ломаться и проявлять явное равнодушие к нелюбимой невесте и ее предсвадебным хлопотам. Представив себя этим парнем, Аня порой даже хихикала.

Однако Максим, как бы предваряя все возможные расспросы о работе и жизни, коротко бросал, возвращаясь домой:

– На службе, как всегда, тоска, давай-ка поговорим о главном! Я хочу, чтобы все было как положено, чтобы мы с тобой, зая, потом это вспоминали и не корчились в судорогах от неловкости! И потом, Анюта, я тебя все-таки люблю!

От этого «все-таки люблю» девушку передергивало – она в адрес Максима просто никак не могла такое произнести. Да, к Максиму она относилась

с пониманием и даже с теплотой, но совместное проживание обнажило скрытые до сих пор несоответствия. И ей казалось, что Максим то ли нарочно их не замечает, то ли считает, что они несущественны.

Внимая обстоятельным рассказам о том, как они должны и как они будут жить после свадьбы, Аня приходила к выводу, что проблема не в Максиме, а в ней, жившей размеренной, строго соответствующей планам жизнью, начиная лет с пятнадцати. Уже тогда были поставлены цели и все силы были брошены на решение задач, позволявших эти цели достичь. Школа, академия, работа, еще одна работа, карьерный рост и жажда успеха – рамки, в которые она себя втиснула, не оставляли места для душевной свободы. Поэтому Аня не позволяла себе осуждать планы Максима, старалась не обижаться на мелочность и скуку той жизни, которую предлагал ей Максим. Неожиданная свобода, личное, никому не принадлежащее время и неожиданная, вполне невинная, двойная жизнь, настигшие ее сейчас, заставили Аню серьезно задуматься о будущем. «Хочу ли я этой свадьбы, а самое главное, нужна ли мне жизнь, которую предлагает Максим?» – по сто раз на дню задавала себе девушка этот вопрос.

День за днем мастер Олег исправно проводил в работах, а плитки на полу и стенах в ванной почему-то не прибавлялись. Аня по-прежнему особо Олегу не докучала – ей не хотелось смущать мастера. Но однажды она приехала рано утром, внимательно осмотрела ванную и поняла, что работы, видимо, специально затягиваются. Аня с облегчением вздохнула – меньше всего ей хотелось лишаться сейчас этих нескольких часов, когда она с удовольствием изобретала что-то кулинарное, потом они с Олегом садились обедать и вели разговоры о вещах незначительных, но приятных. Аня ловила себя на мысли, что она готова собственноручно отодрать то, что уже было сделано, лишь бы задержать мастера в своей квартире.

– Вы опередили меня, – за ее спиной раздался возглас.

– Я не специально, так получилось, – в сильном смущении попыталась оправдаться Аня.

– А я думал, что решили проверить качество работы.

– Работа хорошая, я уже видела. Правда...

– Вам надо, чтобы я срочно закончил работу? – Олег в упор посмотрел на нее.

Аня совсем смешалась.

– Вроде бы и нет... – с трудом пробормотала она.

– Что касается меня, я вообще не хочу спешить...

Аня удивленно взглянула на Олега и почувствовала, что краснеет...

– Вы отлично готовите, никто не кормил меня так вкусно, как вы! – мастер как ни в чем не бывало прошел в ванную. И прикрыл за собой дверь, чтобы переодеться.

Аня, которую распирала злость, широким шагом направилась на кухню. Она собиралась тушить говядину.

Ровно в два часа девушка уселась за стол, но звать Олега не стала – утренняя сцена, полная двусмысленности, задела ее. Хорошо, что она ничем себя не выдала...

Мастер вошел в кухню в половине третьего:

– Дело идет к концу – на днях будем есть индейку, – коротко сообщил он.

– Там же еще полно плитки! – ахнула Аня.

– Там работы на один день, если не заниматься саботажем. – Мастер невозмутимо грыз веточку укропа.

– А до этого вы занимались саботажем?

– Да, в определенный момент мне показалось, что вас это устраивает...

Аня промолчала. Что она успела узнать об этом молодом человеке? Что у него нет родных. Никаких родственников – ни близких, ни далеких. Живет он один

в квартире, которая досталась ему от какой-то двоюродной тетки, которую он никогда не видел, а она не видела его. Но в завещании почему-то указала Олега. Аня узнала, что он учился в обычном интернате, потом, на удивление всем, поступил в Институт стали и сплавов, что два года проработал в компании, занимающейся экспортом-импортом всего чего можно, включая металлы. Ушел он оттуда, потому что стало скучно, да и дела этой компании пошли хуже. «Вы знаете, я предпочитаю рвать сразу, – признался Ане Олег во время одного из разговоров. – А цепляться за привычное, тянуть из последних сил, рассчитывая на непонятно чью милость – то ли начальства, то ли природы, то ли судьбы, – нет, это не для меня. Я ушел в никуда, а выиграл гораздо больше, чем те, которые остались и продолжали тешить себя надеждой на мнимую стабильность».

«А чем вы занимались потом? После того, как уволились из этой компании?» – спросила Аня тогда. «Уроки физики давал будущим абитуриентам. Кинул клич по знакомым, они по своим знакомым, – без особого хвастовства, но и без стеснения принялся рассказывать Олег. – У меня было несколько учеников – это отлично меня кормило. И к тому же не давало забыть то, чему учили в институте, – а я ведь окончил его с красным дипломом. Да еще у меня оставалось свободное время... Был момент, когда я серьезно собирался в аспирантуру пойти – захотелось поучиться. Это ведь мы тогда не ценили эти возможности». Аня хотела не согласиться с Олегом – учиться она любила, и для нее учеба была как взятая высота для прыгуна с шестом – свидетельством успеха. Но, поразмыслив, она согласилась с Олегом: учеба, о которой говорил он, – учеба, как научная работа, учеба, как исследование, учеба не как приобретение дорогостоящих навыков, а как самообразование и постижение чего-то неизведанного – эта учеба сейчас может рассматриваться как роскошь. Она, Аня, училась за деньги и для денег, результаты ее учебы были ею же монетизированы, а сам процесс настолько интенсивен, что для радости познания места не оставалось.

...И вот теперь даже этих славных разговоров она могла лишиться. Ужин с индейкой – и до свидания.

За окном шумел голыми ветками все тот же обрубок тополя. Желтые листья, словно лохмотья облупившейся краски, усеяли газон, а звуки старенькой фабрики стали пронзительно явственными в холодном гулком воздухе ноября. Аня открыла глаза, когда еще небо было предрассветно серым. Несмотря

на ранний час, город за стенами уже ожил. И что-то неправильное было в том, что они никуда не спешат, в том, что сегодня у них нет никаких дел, кроме любви, трогательных объяснений и разговоров, начинающихся со слов «А помнишь...». Весь город уже хлопал дверьми, дверцами, калитками, а они преспокойно лежали на новом широком диване, обнявшись и никуда не торопившиеся. Они выпали из этого мира, и оба ничуть об этом не жалели.

- Зачем ты так рано проснулась? - не поворачиваясь лицом к Ане, спросил Олег.

- Не знаю. Проснулась, и все.

- Сейчас я тебя обниму, и ты опять заснешь.

- Обними, только спать я не буду. Не хочу. Мне так хорошо лежать и просто думать, просто смотреть - на то, что я уже давно видела и давно знаю. Но сейчас эти знакомые вещи совсем другие... - уютно шептала Аня в спину Олегу.

- Они - те же. Это ты другая. - Олег наконец повернулся к Ане: - Скажи, ты думаешь о нем?

- О нем - это о Максиме?

- Да.

- Нет, я не думаю о нем. Я думаю о себе.

- И что же ты надумала?

- Что я подлая и неблагодарная, но честная и смелая.

- Согласен.

- Ты даже не удивлен подобной характеристикой?

- Не удивлен. Она верная и точная.

- Ты считаешь, что я сделала все правильно?
- Я считаю, что ты должна была так сделать. Ты сделала это вовремя.
- Да, после свадьбы это было бы совсем нехорошо...
- Нехорошо. Только вот вопрос: почему ты обо этом все время думаешь?

- Алло, привет!
- Привет!
- Ты когда дома будешь?
- Скоро, а что ты хотел?
- Я освободился пораньше и сижу жду тебя неподалеку, в кафе.
- Что-то случилось?
- Нет. Я просто жду тебя.
- Тогда я бегу.
- Осторожней!
- Постараюсь.

- А вот и я! Ой, помадой тебя испачкала!
- Вот и хорошо. Теперь не буду умываться, сохраню эту метку на всю жизнь!
- Нет, ты уж лучше умывайся, а я тебя буду чаще целовать!

- Насколько чаще?

- Намного чаще!

- И не надоест?!

- Мне кажется, что нет, не надоест.

- Вот и отлично! Тогда я могу сделать тебе предложение.

- Какое?

- Я предлагаю тебе целовать меня всю оставшуюся жизнь. Прежде чем ответить, подумай - этот срок весьма велик!

- Подумала. Согласна.

- Привет!

- Привет!

- Что делаешь?

- Работаю. Видишь ли, в это время суток работает большинство людей наших широт.

- Я тебе помешала?

- Да.

- ...

- Я слушаю тебя. Ты мне помешала, но я тебя слушаю.

- Я просто так позвонила.
- И я тебя люблю.
- Почему ты так долго не отвечал?
- Как долго? Несколько секунд – у меня руки мокрые были.
- А ты где?
- На работе, уже закончил, скоро домой буду выезжать.
- Да? хорошо.
- Тогда пока? До встречи?
- Нет, а все-таки почему так долго не отвечал?
- Этот вопрос я не хочу обсуждать вот так, на ходу.
- Олег, не будь ребенком! Нельзя жить на две квартиры, это тяжело, неудобно и противоестественно для людей, которые собираются пожениться.
- Согласен. Поэтому и удивляюсь, что ты до сих пор не переехала ко мне.
- Я не хочу жить в твоей квартире. Я привыкла к своей. И она удобнее для семейной жизни.
- Я же считаю с точностью до наоборот. К тому же мужчина должен привести женщину к себе в дом.
- Это так принципиально?
- Для меня – да. Извини, но вряд ли мы договоримся в этом вопросе.

- А что делать с моей?

- Сдавай и трать эти деньги на себя. Или откладывай.

- О господи! Как же тяжело! Мне не хочется сдавать квартиру. Там только что сделан ремонт, я с таким удовольствием занималась им, я душу вложила. Ты же знаешь! И представь, что здесь будут жить чужие люди!

- Понимаю. Но...

- Слушай, у меня идея...

- Не получится.

- Мы до свадьбы будем жить порознь. Будем встречаться - или у меня, или у тебя, неважно. Но окончательно решим этот вопрос после всех торжеств.

- Странное предложение.

- Олег, оно, учитывая нашу принципиальность, единственно правильное. После свадьбы мы бросим жребий. И как он нам подскажет, так и поступим. В конце концов, мы имеем право положиться на случай. Так никому не будет обидно.

- Не знаю, я не уверен...

- А я прямо чувствую, что поступить надо именно так. Охота тебе иметь дело с женой, которая затаила на тебя обиду?

- Мне пора ехать к себе. Завтра тяжелый день. Вернее, длинный. Он не тяжелый, он хлопотный и длинный. Завтра я стану Анной Сомовой. Красиво звучит, да?

- Мне нравится.

- Мне тоже. Обними меня, и давай укроемся пледом. Вечер холодный, и небо нахмурилось. Хоть бы дождя не было. Вот тебе и июнь!

- Июнь как июнь. Завтра все пройдет хорошо. Не волнуйся.

- Я не волнуюсь. Я беспокоюсь. Почему-то страшно. Вроде все как обычно – мы вместе, только завтра немного хлопот, немного шума, немного родственников и друзей. А мне страшно!

- Мне тоже. В определенном смысле.

- Это в каком же?

- Твоя мама...

- А, это да, мама сурова. Но ты не бойся, она к нам будет редко приезжать. Я ее хорошо знаю...

- Надеюсь.

- Перестань шутить!

- Я не шучу. Я просто надеюсь, что ты не дашь меня в обиду.

- Глупый ты. Я тебя люблю.

- Я тебя тоже. Хотя и звучит это мелодраматично.

- Ничего страшного. Мелодрама не самый плохой жанр. Трагедия – гораздо хуже. Мне пора ехать.

- А если я тебя не отпущу?

- Тогда сочетаться браком я буду в старых джинсах и твоей футболке.

- А что? Весьма креативно...

До старой мужской футболки дело не дошло. Лежа на своем диванчике и рассматривая платье, висевшее на зацепившихся за дверцу шкафа плечиках, Аня думала о том, что если бы она послушалась маму, то наблюдала бы сейчас нечто, похожее на белковый омлет с листочками укропа.

– Аня, ты посмотри, какая прелесть! Это же просто платье Скарлетт О’Хары! – Варвара Сергеевна застыла перед манекеном.

Они с дочерью зашли в один из тех магазинов, витрина которого была сплошной символизм и лаконизм, а полупустой торговый зал напоминал о масштабном ограблении. Два-три платья на вешалках намекали на эксклюзивность товара.

– А размеры все есть? – по привычке спросила Варвара Сергеевна.

– Что вы? – возмутилась продавщица в строгом черном костюме. – У нас каждое платье в единственном экземпляре! Это же не универмаг! Это – бутик!

Варвару Сергеевну смутить было сложно:

– И что? Как можно завезти ОДНО платье?!

– Это торговая политика известного модного дома, который мы представляем. Извините, что не смогли вам помочь!

Аня тем временем смотрела на платье, которым восхитилась мама, и думала: «Ой нет! Это не мое! Мне по душе простота и скромность...»

– Скажите, а на меня можно подобрать не платье, а, например, костюм? – обратилась она к продавщице, чтобы мама перестала глумиться над женщиной, находящейся на службе.

– На вас – можно! У вас фигура манекенщицы! – обрадованная тем, что может сменить занятие и без конфликта избавиться от самоуверенной матроны, продавщица улыбнулась и исчезла за дверью служебного помещения.

Свадебный наряд, который был выбран после долгого препирательства с мамой, имел вид платья-трапеции. Сшитое из «дикого» шелка бело-бежевого оттенка,

оно было совсем не длинное, где-то до колена. Горловина и короткие рукава были оторочены узким кружевом.

- Мне очень нравится, - едва увидев его, призналась Аня. - Мам, оно очень красивое, а главное - что это не одно из этих жутких громоздких платьев, которые можно надеть только раз в жизни. Это платье я смогу носить и потом... Когда буду в положении...

Продавщица рассмеялась, а Варвара Сергеевна взмахнула руками:

- Ты сначала замуж выйди!

- И выйду. Можно примерить?

- Да, пройдите в примерочную...

- А что, такое платье тоже только одно? - спросила Варвара Сергеевна.

- Таких два. Но одно из них не продается - это собственность фирмы для дефиле.

- Очень хорошо! - воскликнула Аня. Ей тоже не хотелось выходить замуж в платье, которое можно будет встретить в городе. - Может, у вас и туфли к нему найдутся?

Аня уже поняла, что к такому короткому платью шпилька не подойдет, а потому были выбраны туфли с маленьким плоским каблучком и квадратным мысом. Когда Аня вышла из примерочной, Варвара Сергеевна ахнула:

- Вылитая Твигги!

Действительно, худенькая, коротко стриженная Аня очень напоминала легендарную модель шестидесятых годов. И еще дочь была такой хрупкой, красивой и юной, что у Варвары Сергеевны на глаза навернулись слезы.

- Мам, ты что?! - обернулась Аня.

- Ты такая маленькая у меня!

- Мне почти тридцать лет!

Глядя на свою доченьку-невесту, Варвара Сергеевна вовсю вытирала платочком глаза.

- Слезы на свадьбе – счастье в жизни! – загалдели продавщицы, которые вдруг превратились из чопорных и высокомерных барышень в свойских теток.

Отдыхая от процесса покупки свадебного наряда, мать и дочь сидели в кафе и наслаждались бодрящим напитком.

- Ты где собираешься прическу делать? – спросила Варвара Сергеевна, критически поглядывая на дочь.

- Mam, какая прическа! – рассмеялась Аня. – Ты видишь длину моих волос?!

- Ну и что? Можно сделать небольшую укладочку.

- Что?

- Не смотри на меня так! Височки подобрать, затылок удлинить, немного челку поднять. Из твоей короткой стрижки можно сделать изумительную головку.

Аня посмотрела в стекло витрины и неожиданно для себя согласилась с Варварой Сергеевной: «Да, надо немного подстричься, придать форму и... сделать так, как сейчас подсказала мама! Вот что – надо позвонить Валентине!»

Валентина, подруга школьной подруги, совсем недавно открыла свой салон. Стабильных клиентов у нее было еще мало, и в качестве подработки она делала на дому прически ближайшим знакомым. Денег брала немного, но просила рекомендовать ее ближайшим друзьям.

– Мам, надо будет, чтобы Валя к нам пришла пораньше, – подумав, сказала Аня. – Конечно, со мной возни не очень много, но опоздать на собственную свадьбу не хочется.

– Хорошо, – кивнула Варвара Сергеевна, – я сама с ней свяжусь, а ты занимайся остальным.

Что мама подразумевала под остальным, Аня не очень понимала, поскольку ничем особым занять себя не могла. Так случилось, что именно в этот момент, кроме Олега, ее любви к нему, его любви к ней, Аню ничего не занимало. На работу она пока еще не вернулась.

– Как ты думаешь, если я еще немного побездельничаю, ничего не случится с моим нравственным, духовным и душевным состоянием? – спрашивала она своего нового жениха.

– Думаю, нет. Если хочешь, побездельничай, но только недолго. Как только поженимся, надо будет приковать тебя к плите – завтраки, обеды и ужины будешь мне готовить. Вкусные и полезные.

Аня, слыша подобное, возмущалась:

– Нет уж! После свадьбы я пойду лечить зверушек! Образование у меня хорошее, практика есть, в любую лечебницу меня возьмут с руками и ногами.

Олег в ответ улыбался, и Аня понимала, что именно это он хотел от нее услышать.

– Терпеть не могу кумушек, – смешно морщил он нос. – Вот если дети, тогда еще можно понять! Но сидеть дома и ничего не делать...

– Дома всегда есть, что делать, – защищала женский пол Аня.

– Да, но лучше эту энергию тратить на собственную профессию! Пусть даже деньги небольшие платят, но работать обязательно надо. Иначе у женщин голова в желе превращается.

– А ты откуда знаешь?!

– Пример друзей и их жен. Не хотел бы я такую семейную жизнь. Людям должно быть интересно с друг другом.

– А так – неинтересно?

– Нет, ты понимаешь, должна быть энергетика. У обоих. И каждый ее сообщает другому. Понимаешь, такой бесконечный процесс взаимной поддержки.

– Понимаю, – отвечала Аня, и на ум ей приходили отношения ее родителей. Отец был всегда занят на работе, мама сидела дома, но ведь они, такие разные, существовали как единое целое. Им было и чем поделиться друг с другом, и общие интересы у них имелись, и собственные дела. В прочитанном Аней еще в детстве научно-популярном журнале это называли «взаимодействием работающих механизмов». Один остановится – другой замрет. Вот и в часах точно такие же колесики друг за друга цепляются...

... – Может, он хочет, чтобы ты деньги зарабатывала, а не он? Если ты дома будешь сидеть, тогда ведь он должен будет тебя всем обеспечивать. А ему, может, этого совершенно не хочется? – скептически заметила Варвара Сергеевна, когда Аня поделилась с ней этим.

– Не думаю, – отрицательно покачала головой Аня. – Он отлично зарабатывает, не лентяй. К тому же, судя по всему, планирует вернуться в прошлую профессию. Даже ездил на собеседование.

– И что ему там сказали?

– Мама, важнее, что он им сказал, – усмехнулась Аня.

– И что же?

– А то, что вместо того, чтобы работать за такие деньги с таким образованием и опытом, он предпочтет открыть свой собственный бизнес.

– На это нужны средства, капитал нужен. – Варвара Сергеевна вздохнула: – Посмотри на своих братьев. Они вложили...

– Знаю, знаю, – отмахнулась Аня. – Я все знаю про своих братьев. Только ведь Юра-то ничего не вкладывал, он чиновником родился, чиновником вырос и чиновником всю жизнь проживет. Вадим – да, этот целую империю построил. Но, мама, необязательно сразу империю строить. Можно и маленький, но устойчивый бизнес.

Варвара Сергеевна промолчала – она видела, что дочь влюблена, что любые слова предостережения могли только рассорить их. А ссориться уже смысла не имело: дочь – невеста и ничто ее скоропалительной свадьбе помешать не сможет. «Восстановить Аню против Олега – это означает взять на себя ответственность. Ответственность за ее жизнь, за ее будущее. Имею ли я на это право? Скорее всего, уже нет. Не имею...» – Варвара Сергеевна который раз пожалела, что рядом нет мужа.

* * *

Солнечный луч дополз до книжного шкафа. «Так, значит, уже восемь часов. В это время мама пыталась меня разбудить, я не вставала, а когда все-таки просыпалась, была уже половина девятого, и я опаздывала на урок. И так было весь первый класс. Ну, что они от меня хотели! Домашний избалованный ребенок! Правда, это продолжалось недолго – во втором классе я уже была примерной ученицей». Аня еще раз оглядела комнату, в которой прошла вся ее жизнь.

«Так странно – моя новая жизнь начинается здесь, в доме, где столько всего пережито, – неторопливо размышляла Аня. – И как бы мне хотелось, чтобы был жив папа. Ему не надо было бы ничего доказывать – Олег бы ему понравился, потому что они очень похожи. Спокойные, добрые, работающие. Они очень правильные! – Аня перевернулась на бок. – Хотя нет... Папа не понял бы моего «завихрения» – он не одобрил, что я бросила работу в ветеринарной больнице, ушла в чиновники, затем решила вдруг учиться дальше, но выбрала для этого вуз в другой стране. Он бы не понял эти мои метания, эти попытки доказать себе непонятно что. Папа не любил дешевые амбиции. И Олег такой же. А вот Максим... Это он подогрел мое тщеславие, а я оказалась бесхарактерной, не устояла. Впрочем, и на Максима валить не стоит... Все это уже позади.

А сегодня я выйду замуж и буду самой счастливой на свете. Хоть и по-детски это звучит, но повторять эти слова хочется снова и снова...»

– Ты думаешь вставать?! – Дверь в детскую открыла Варвара Сергеевна. – Скоро Валентина придет, а ты еще даже не завтракала! Поднимайся, сегодня день радостный, длинный, и, скорее всего, он будет ужасно бестолковым. Вот помни мое слово. Свадьбы – они всегда такие бывают.

– Мам, не волнуйся, я мигом! Валентина придет, а я уже буду готова.

Валентина, как и многие цирюльники, считала нужным опробовать на себе все новинки химической промышленности и все достижения парикмахерского искусства. Если в моду входили красноватые оттенки волос, то она щеголяла с морковной и даже алой челкой, химическая завивка укорачивала ее волосы до почти мужской стрижки, а парики она меняла с той же частотой, что и любовников. Впрочем, так было год назад. Сейчас же Валентина – дама с фигурой богини плодородия, которая ее точно сделала бы любимой женой какого-нибудь африканского вождя, – была без памяти влюблена в Гришу-таксиста.

– И он, дурак, думает еще! Что может быть лучше: жена – парикмахер, муж – таксист?! Это же просто золотой тандем!

Слово «тандем» Валентина очень любила. «У нас с Иркочкой деловой тандем!» – говорила она о компаньоне в парикмахерском бизнесе или: «Это не тот тандем, который тебе нужен!» – так она отзывалась о любовнике подруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Прочитать об этом можно в романе Н. Мирониной «Отказать Пигмалиону». издательство «Эксмо», Москва, 2014 год.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mironina_nataliya/nevesta-vsadnika-bez-golovy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)